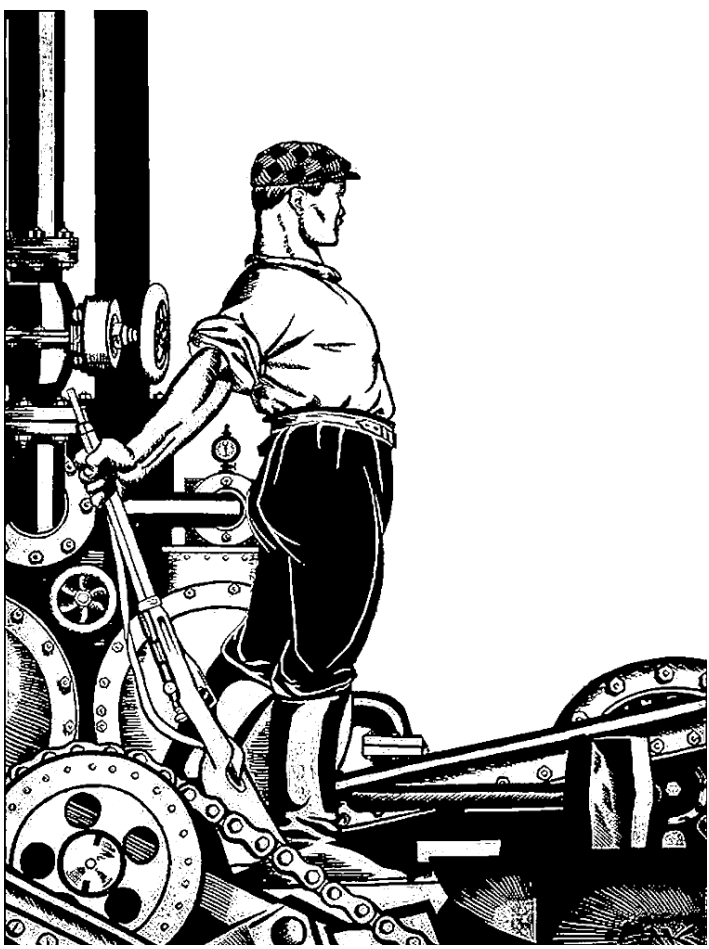
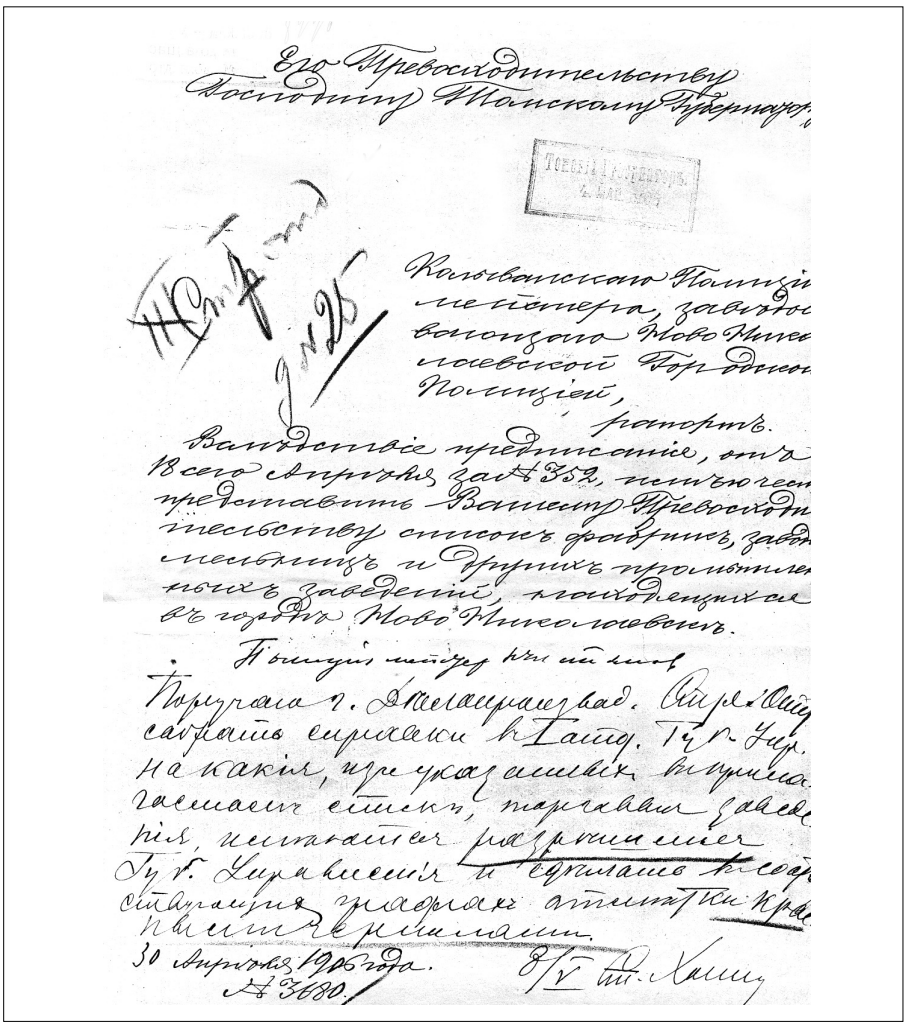
Свидетельства прошлого





Его Превосходительству
Господину Томскому Губернатору

Колыванскаго Полиціймейстера, завѣдывающаго Ново-Николаевской Городской Полиціей,
рапортъ.

Вслѣдствіе предписанія, отъ 18 сего Апрѣля за № 352, имѣю честь представить Вашему Превосходительству списокъ фабрикъ, заводъ, мельницъ и другихъ промышленныхъ заведеній, находящихся въ городѣ Ново-Николаевскѣ.

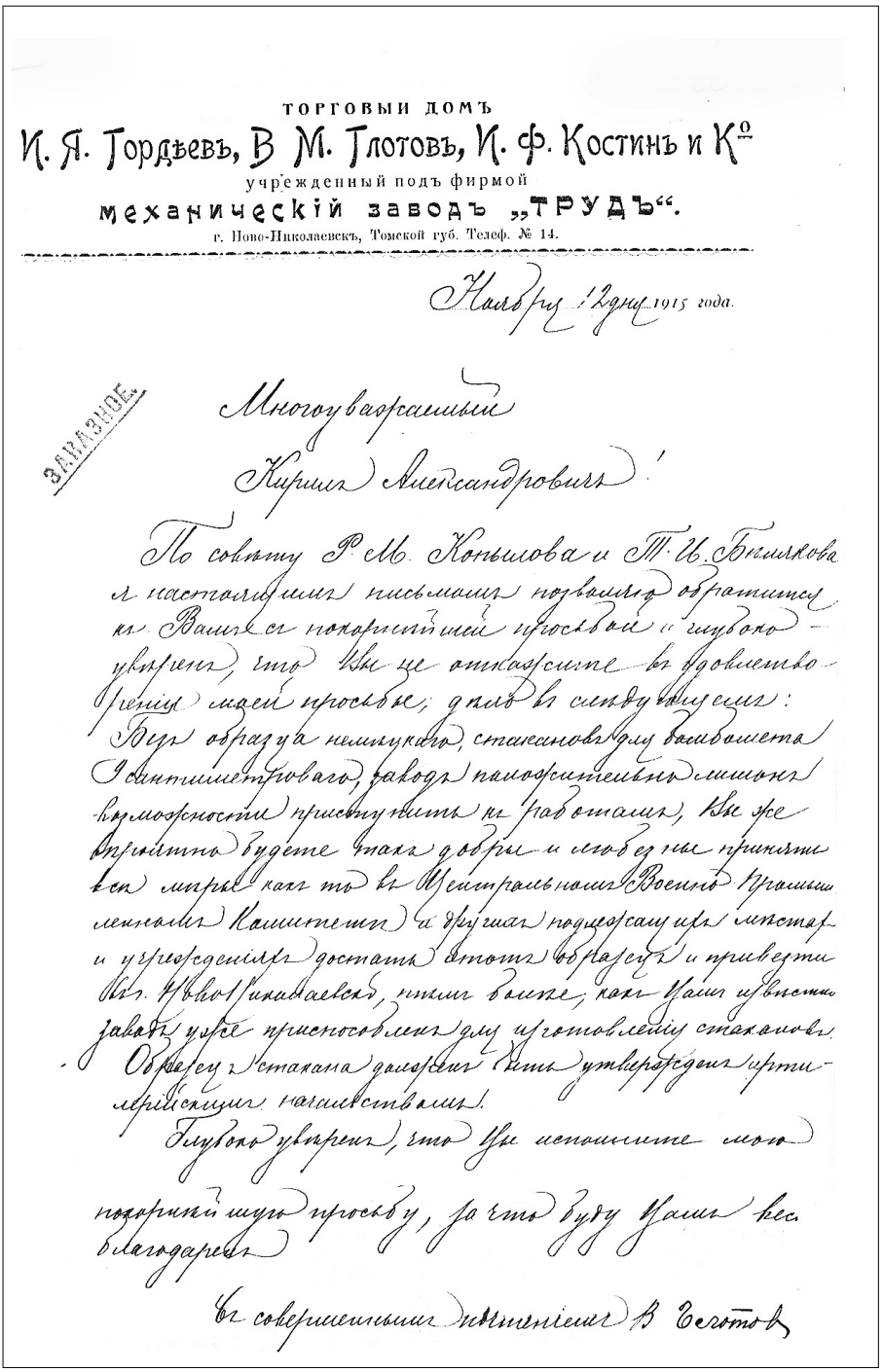
Полиціймейстер [illegible]

Поручаю г. Дѣлопроизвод. Отр. Отд. собрать справки въ I отд. Губ. Упр. на какія, изъ указанныхъ въ прилагаемомъ спискѣ, торговыя заведенія, имѣются разрѣшенія Губ. Управленія и сдѣлать въ соотвѣтствующихъ графахъ отмѣтки красными чернилами.

30 Апрѣля 1906 года.
№ 3680.

8/V [illegible]

Письмо томскому губернатору от колыванского полицмейстера, предваряющее список промышленных предприятий Новониколаевска. 1905 г.



ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

И. Я. Гордѣевъ, В. М. Глотовъ, И. Ф. Костинъ и К°

учрежденный подъ фирмой

механическій заводъ „ТРУДЪ“.

г. Ново-Николаевскъ, Томской губ. Телеф. № 14.

Ноября 12 дня 1915 года.

ЗАВАЗНОЕ.

Многоуважаемый

Кирилъ Александровичъ!

По совѣту Р. М. Копылова и Т. И. Бѣлякова я настоящимъ письмомъ позволяю обратиться къ Вамъ съ покорнѣйшей просьбой и глубоко увѣренъ, что Вы не откажите въ удовлетвореніи моей просьбы; дѣло въ слѣдующемъ: Безъ образца нѣмецкаго, стакановъ для бомбомета 9 сантиметроваго, заводъ положительно лишенъ возможности приступить къ работамъ, Вы же вѣроятно будете такъ добры и любезны принять всѣ мѣры какъ то въ Центральномъ Военно Промышленномъ Комитетѣ и другихъ подлежащихъ мѣстахъ и учрежденіяхъ достать этотъ образецъ и привезти въ г. Ново-Николаевскъ, тѣмъ болѣе, какъ Вамъ извѣстно заводъ уже приспособленъ для изготовленія стакановъ. Образецъ стакана долженъ быть утвержденъ артиллерійскимъ начальствомъ.

Глубоко увѣренъ, что Вы исполните мою покорнѣйшую просьбу, за что буду Вамъ весь благодаренъ

Съ совершеннымъ почтеніемъ В. Глотовъ

Деловое письмо В. Глотова от имени Торгового дома Гордеев, Глотов, Костин и К°

Министерство
внутреннихъ дѣлъ.

ТОМСКАГО ГУБЕРНАТОРА.

по
ГУБЕРНСКОМУ УПРАВЛЕНІЮ.

Iго *Отдѣленіе.*

Октября 23 дня 1906 г.

№ 7440

г. Томскъ.

26

ПОСТАНОВЛЕНІЕ.

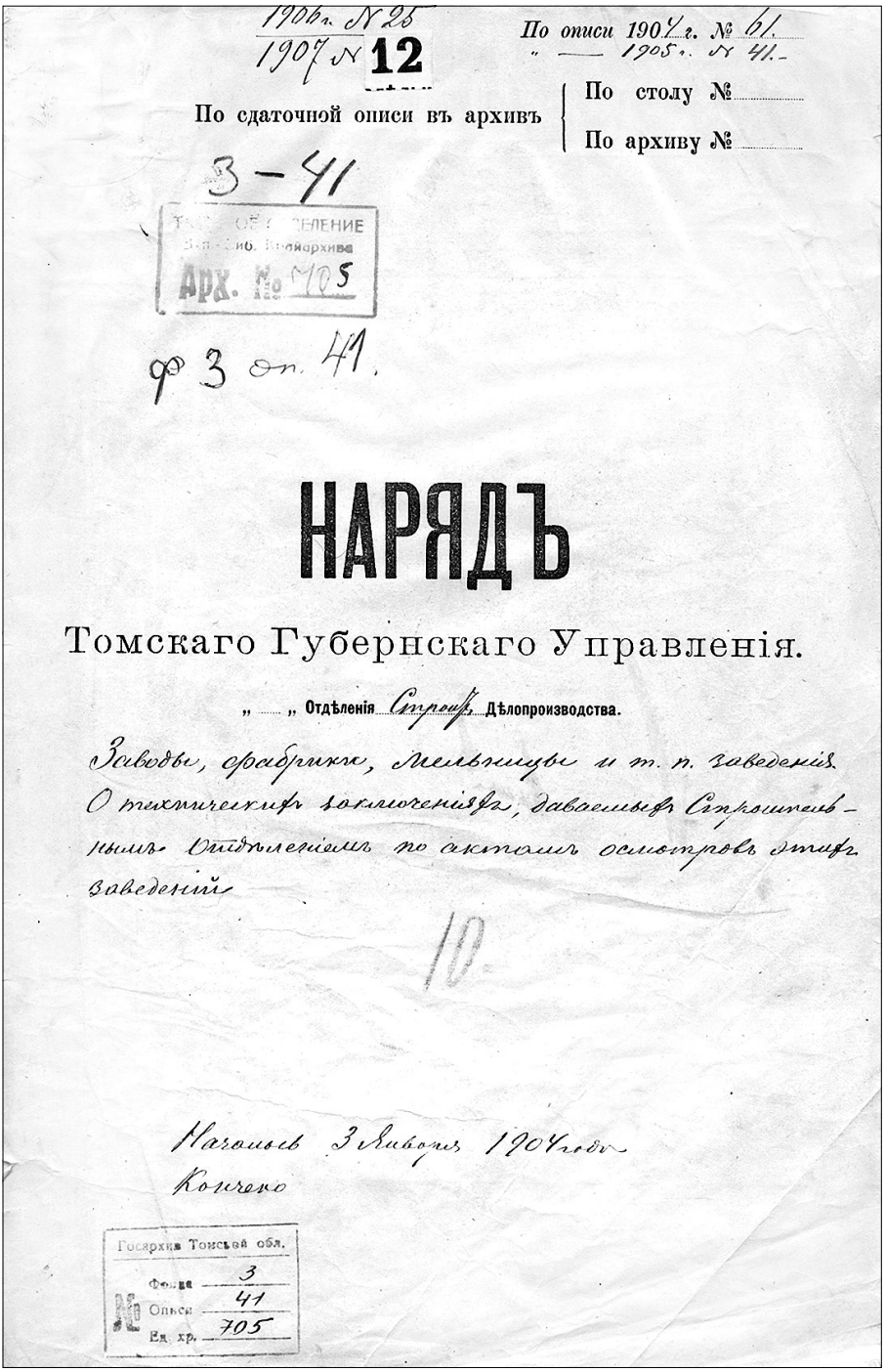
Мѣщане: Викторъ Михайловъ Глотовъ и Аронъ Борисовъ Гордашниковъ, ходатайствуютъ о разрѣшеніи имъ содержанія въ г. Ново-Николаевскѣ парового механическаго завода, на землѣ, арендованной у Кабинета ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА; причемъ просители представили удостовѣреніе Ново-Николаевскаго Городского Общественнаго Управленія отъ 7 Іюня 1906 г. за № 1127, о неимѣніи со стороны Управленія препятствій къ открытію завода въ санитарномъ отношеніи, при условіи, если арендуемый просителями участокъ перейдетъ въ собственность города, то они, просители, обязаны войти въ соглашеніе съ Городскимъ Общественнымъ Управленіемъ о дальнѣйшей арендѣ такового и, если согласія не послѣдуетъ, то владѣльцы завода должны очистить участокъ.

Изъ представленнаго завѣдывающимъ полицейской частью г. Ново-Николаевска, отъ 18 Октября с.г. за № 5481, акта осмотра означеннаго завода, произведеннаго въ присутствіи Томскаго Губернскаго Инженера и Ново-Николаевскаго участковаго врача, между прочимъ, видно, что таковой отвѣчаетъ своему назначенію какъ въ техническомъ, такъ равно и въ санитарномъ отношеніяхъ.

ПОСТАНОВЛЯЮ: На основаніи 490 ст. II т. Общ. Губ. Учрежд., изд. 1892 года, разрѣшить мѣщанамъ: Виктору Михайлову Глотову и Аарону Борисову Гордашникову содержать въ гор. Ново-Николаевскѣ, по Трактовой улицѣ, въ кварталѣ № 57, паровой механическій заводъ, при условіяхъ, изложенныхъ въ удостовѣреніи Ново-Николаевскаго Городского Общественнаго Управленія, отъ 7-го Іюня 1906 г. за № 1127, въ чемъ и выдать имъ установленное свидѣтельство.-

И.д. губернатора

Деловое письмо В. Глотова от имени Торгового дома Гордеев, Глотов, Костин и К°



1906 г. № 25
1907 № 12

По описи 1904 г. № 61.
" — 1905 г. № 41.

По сдаточной описи въ архивъ | По столу № ..... | По архиву № .....

3 – 41

ТОМСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Вел.-Сиб. Крайархива
Арх. № 705

ф 3 оп. 41.

НАРЯДЪ

Томскаго Губернскаго Управленія.

„ ..... „ Отдѣленія Строит. Дѣлопроизводства.

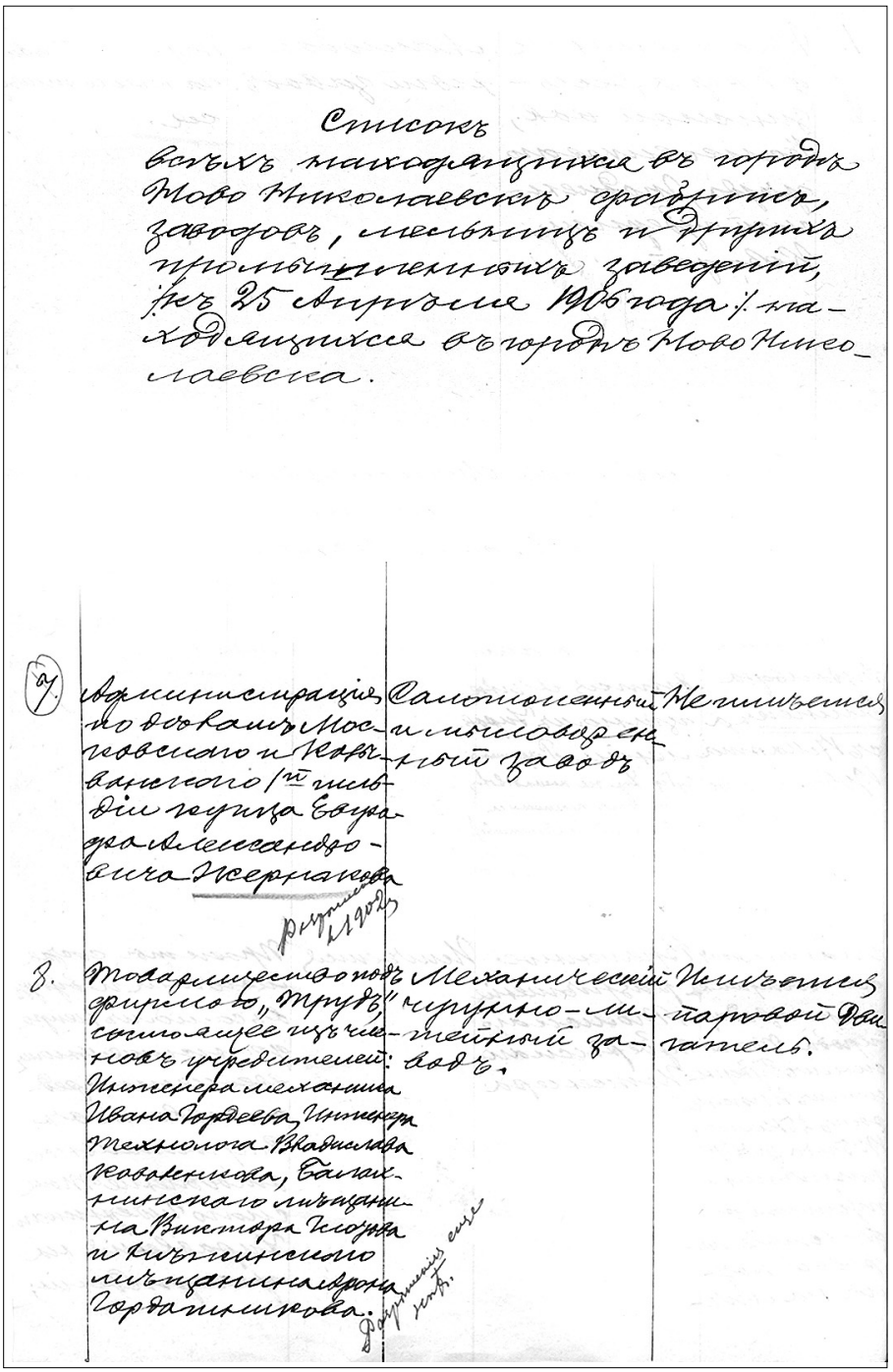
Заводы, фабрики, мельницы и т. п. заведенія. О техническихъ заключеніяхъ, даваемыхъ Строительнымъ Отдѣленіемъ по актамъ осмотровъ этихъ заведеній

10

Начатъ 3 Января 1904 года
Кончено

Госархив Томской обл.
№ Фонда 3
Описи 41
Ед. хр. 705

Список заводов, фабрик и мельниц «О технических заключениях, даваемых Строительным отделением по актам осмотров оных заведений». 1904 г.



Списокъ
всѣхъ находящихся въ городѣ
Ново Николаевскѣ фабрикъ,
заводовъ, мельницъ и другихъ
промышленныхъ заведеній,
/къ 25 Апрѣля 1906 года/ на-
ходящихся въ городѣ Ново Нико-
лаевска.

7.	Администрація по дѣламъ Московскаго и Ковыванскаго 1-й гильдіи купца Евграфа Александровича Жернакова	Салотопенный и мыловаренный заводъ	Не имѣется
8.	Товарищество подъ фирмою „Трудъ", состоящее изъ членовъ учредителей: Инженера механика Ивана Гордеева, Инженера технолога Владислава Коваленкова, Балахнинскаго мѣщанина Виктора Глотова и Нижнинскаго мѣщанина Арона Гордашникова.	Механическій чугунно-литейный заводъ.	Имѣется паровой двигатель.

Разрѣшено 1902 г.

Разрѣшенія еще нѣтъ.

Список заводов, фабрик и мельниц «О технических заключениях, даваемых Строительным отделением по актам осмотров оных заведений». 1904 г.

Копія.

ЖУРНАЛЪ

Засѣданій Городскихъ Уполномоченныхъ города Ново-Николаевска.

17 Іюля 1907 года по вопросу о земляхъ въ "Сосновской дачѣ". и другихъ.

Допустить къ исполненію 25/VII 1907.

Состоялось подъ предсѣдательствомъ и.д.Городского Старосты при 13 уполномоченныхъ.

№ 44

Гг. Городскіе уполномоченные, собравшись въ составѣ «» человѣкъ единогласно постановили:

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ м.г.Коммиссія,избранная по выкупу усадебныхъ мѣстъ и другихъ земель подробно обсуждала этотъ вопросъ съ прибывшимъ въ г.Ново-Николаевскъ г.Начальникомъ округа.

Результатъ,какъ доложила Коммиссія,въ засѣданіи г.г.уполномоченныхъ 11 Сентября слѣдующій: за всѣ переходящіе городу участки уплачивается городумъ шестьсотъ тысячъ рублей.

Уполномоченные и приглашенныя свѣдующія лица,журналъ этотъ утвердили.

Вопросъ о "Сосновской дачѣ" и другихъ земляхъ подлежалъ обсужденію въ городѣ Барнаулѣ,куда г.Начальникъ округа пригласилъ г.г.уполномоченныхъ.

По возвращеніи изъ Барнаула земельная коммиссія въ засѣданіи уполномоченныхъ 4 Октября заявила:чтобы окончательно вырѣшить вопросъ о

Заключение комиссии городских уполномоченных о передаче в полную собственность земель, находящихся за полосой железной дороги, в полную собственность товарищества «Труд». 1907 г.

о выкупѣ,а также вырѣшить вопросъ о такъ называемой "Сосновской дачѣ" |пристань,земли подъ мельницами Туркина и Луканина,склады Богословскихъ заводовъ и отъ мельницы Туркина къ городу въ срединѣ отчужденій для желѣзной дороги| Коммиссія въ числѣ членовъ З.Г.Крюкова,Н.П. Литвинова и И.М.Луканина въ Барнаулѣ съ приглашенными согласно данна го уполномочія,въ Коммиссію находившимися тамъ владѣльцами мельницъ К.А.Туркинымъ и А.М.Луканинымъ вошла въ переговоры съ Начальникомъ округа.Но тутъ при первомъ же собраніи выяснилось,что Сосновской дачи въ Управленіи предрѣшено городу не передавать,Начальникъ же округа заявилъ,что дача эта,въ виду приносимаго ею дохода можетъ быть уступлена лишь за прибавку выкупа въ суммѣ 100 тысячъ рублей.Чтобы покончить этотъ вопросъ и отстоять означенную мѣстность,какъ безусловно необходимую для города,Коммиссія, не измѣняя общей суммы выкупа и въ тоже время,чтобы произвести вознагражденіе Кабинету за уступку,принуждена была сдѣлать слѣдующія въ планахъ,именно: уплата % производится со дня окончательнаго заключенія договора съ Кабинетомъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА изъ 4-хъ годовой % на не оплаченную часть выкупной суммы,первый годъ уплачивается 100 тысячъ,слѣдующіе 4 года по 50 тысячъ рублей а остальную сумму по равной части остальные 15 лѣтъ.

Это заявленіе Коммиссіи утверждено журналомъ уполномоченныхъ 4 Октября,пропущеннымъ г.Губернаторомъ къ исполненію и подписано членами Коммиссіи.

Коммиссія,согласно уполномочію города,ходатайствовала между прочимъ объ уступкѣ городу участка между 2-й Ельцевкой и посѣкой,на что Начальникъ округа согласился.Но князь Оболенскій телеграфировалъ Общественному Управленію,что онъ не можетъ согласиться на отдачу этой мѣстности,какъ очень видной и необходимой для Кабинета и находитъ возможнымъ уступить лишь по лѣвому берегу рѣки 2-й Ельцевки.Принимая во вниманіе,что мѣстность по рѣкѣ Ельцевкѣ предполагается подъ фабрично-промышленные заведенія и что для такихъ заведеній потребуется устройство прудовъ и устройство ихъ,при разныхъ владѣльцевъ береговъ, очень затруднительно,уполномоченные поручили Коммиссіи ходатайствовать объ уступкѣ городу мѣстности если не по просѣкѣ,то на протяженіі 10-15 саженъ по правому берегу Ельцевки.

Въ общемъ результатѣ получился выгодный для города и затѣмъ Князь

Заключение комиссии городских уполномоченных о передаче в полную собственность земель, находящихся за полосой железной дороги, в полную собственность товарищества «Труд». 1907 г.

Оболенскій пригласилъ уполномоченныхъ отъ города прибыть въ Петербургъ для окончательныхъ переговоровъ.

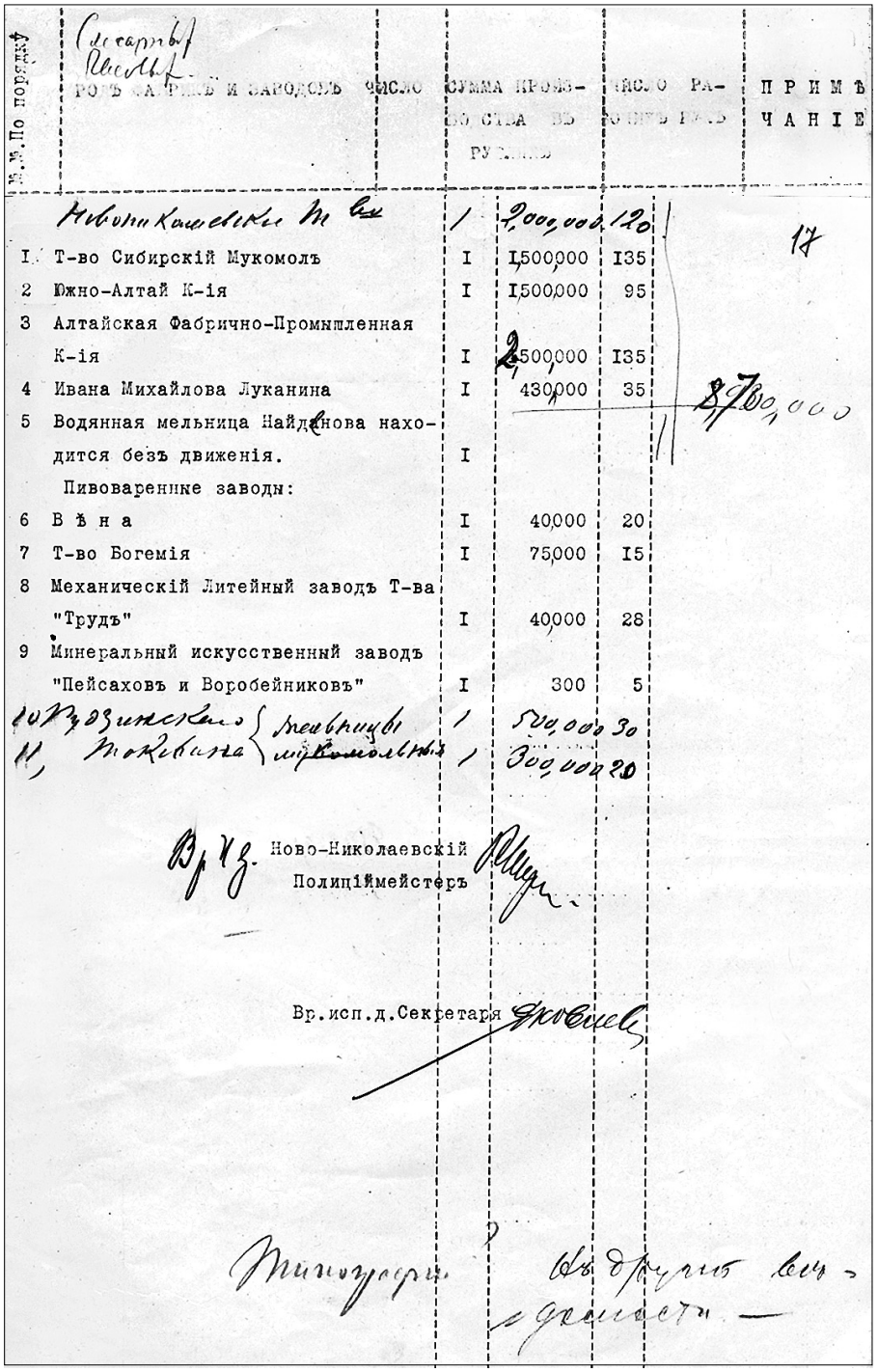
2-го Января Коммиссія представила проэктъ оцѣнки земель. Въ проэктѣ этомъ городъ раздѣленъ на 5 участковъ, выкупная сумма предложена отъ I5 коп. до 5 рублей за квадрат. сажень, что въ общемъ составило 600 тысячъ рублей. Зашѣмъ Коммиссія изчислила сумму разныхъ расходовъ по выкупу во время 20 лѣтъ въ I20 тысячъ рублей.

Въ полную отмѣну произведеннаго выше журнала 4 Октября Коммиссія высказала заключеніе, что всѣ мѣста, переходящія городу, находящіяся за полосой желѣзной дороги должны быть отданы въ полную собственность лицамъ, въ данное время ихъ аредующихъ. Именно:

I|	И.М.Луканину -	2000	кв.саж.	по I руб.50 коп.	-3000 руб.
2|	А.В.Пастухову -	500	"	" - " - " -	- 750 руб.
3|	Траймеръ -	500	"	" - I руб. - -	- 500 руб.
4|	Заводу Прогрессъ	2000	"	" - I оуб.50 коп.	-3000 руб.
5|	Т-ву Трудъ	I000	"	" - I руб.- -	-I000 руб.
6|	А.М.Луканину -	9200	"	" - I руб.75 коп.	-I600 руб.
7|	К.Л.Туркину -	I5000	"	" - I руб.75 коп:	26250 руб.
8|	Н-Николаевскому Мукомольному Товариществу:	I4000	кв.саж.	по I руб.75 коп.	-24500 руб.
9|	Бр.Нобель	I000	кв.саж.	по I руб.75 коп.	--I700 руб.
I0|	Обществу Мазутъ	8000	кв.саж.	по I руб.75 коп.	- I400 руб.
II|	Администт.Жернакова	3500	"	" - I руб. - -	- 3500 руб.
I2|	Авст.под.Елинекъ	6000	"	" - I руб.75 коп.	-I0500 руб.
I3|	Шамовскому	2000	"	" - I руб. - -	- 2000 руб.
I4|	Елинекъ - -	I000	"	" - I руб. - -	- I000 руб.

Оправдывая необходимость принятія этого проэкта, Коммиссія указала, на то, что владѣльцы усадебъ избавлены отъ платежа I20 тысячъ рублей.

Заключение комиссии городских уполномоченных о передаче в полную собственность земель, находящихся за полосой железной дороги, в полную собственность товарищества «Труд». 1907 г.



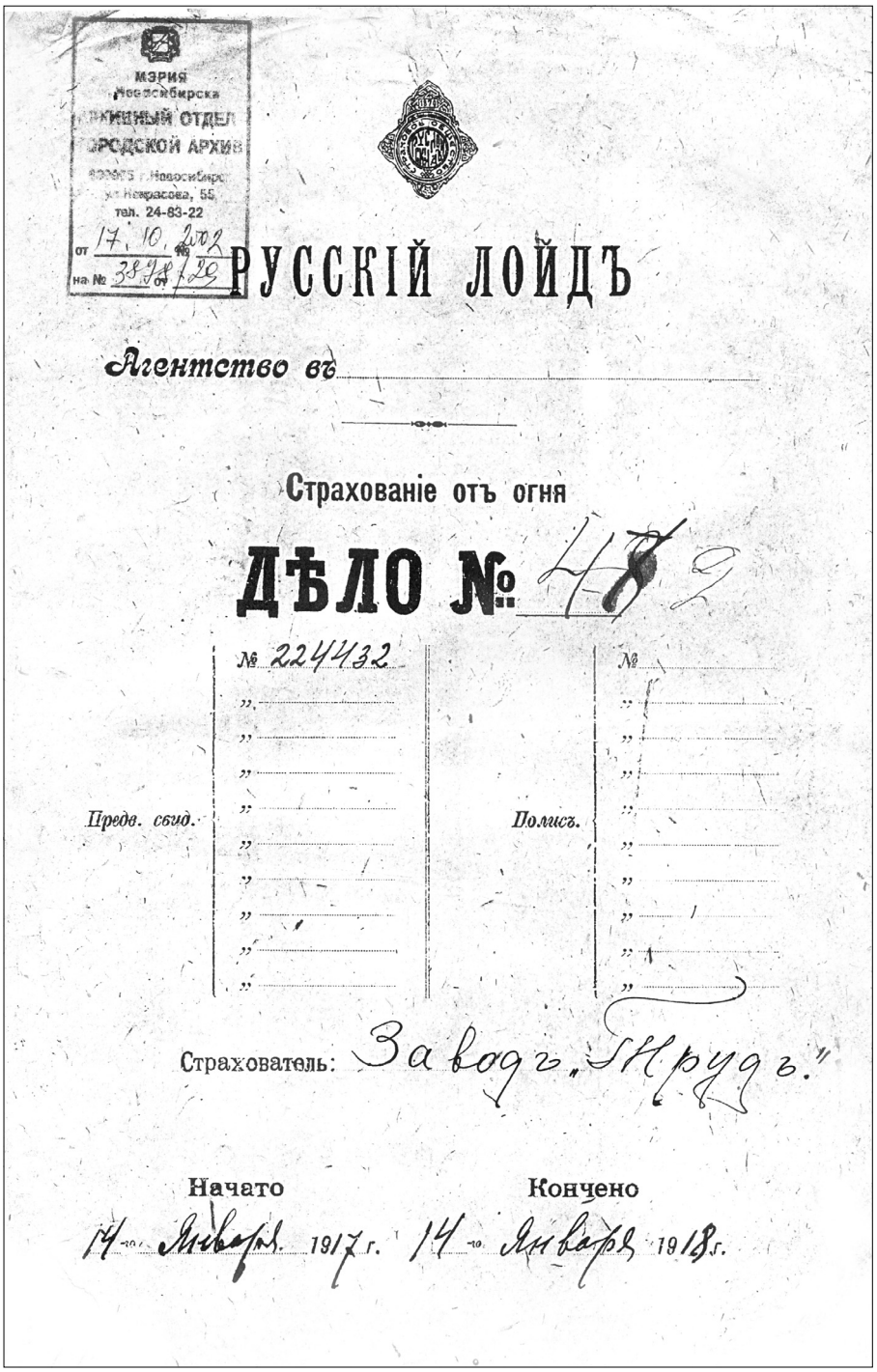
№№ По порядку	Родъ фабрикъ и заводовъ	Число	Сумма производства въ рубляхъ	Число работниковъ	Примѣчаніе
	Новониколаевскій Т-во	1	2,000,000	120	17
1	Т-во Сибирскій Мукомолъ	1	1,500,000	135	
2	Южно-Алтай К-ія	1	1,500,000	95	
3	Алтайская Фабрично-Промышленная К-ія	1	2,500,000	135	
4	Ивана Михайлова Луканина	1	430,000	35	8,700,000
5	Водянная мельница Найденова находится безъ движенія.	1			
	Пивоваренные заводы:				
6	Вѣна	1	40,000	20	
7	Т-во Богемія	1	75,000	15	
8	Механическій Литейный заводъ Т-ва "Трудъ"	1	40,000	28	
9	Минеральный искусственный заводъ "Пейсаховъ и Воробейниковъ"	1	300	5	
10	Рудзинскаго мельницы	1	500,000	30	
11	Токивина мукомольныя	1	300,000	20	

Вр. Ид. Ново-Николаевскій Полиціймейстеръ

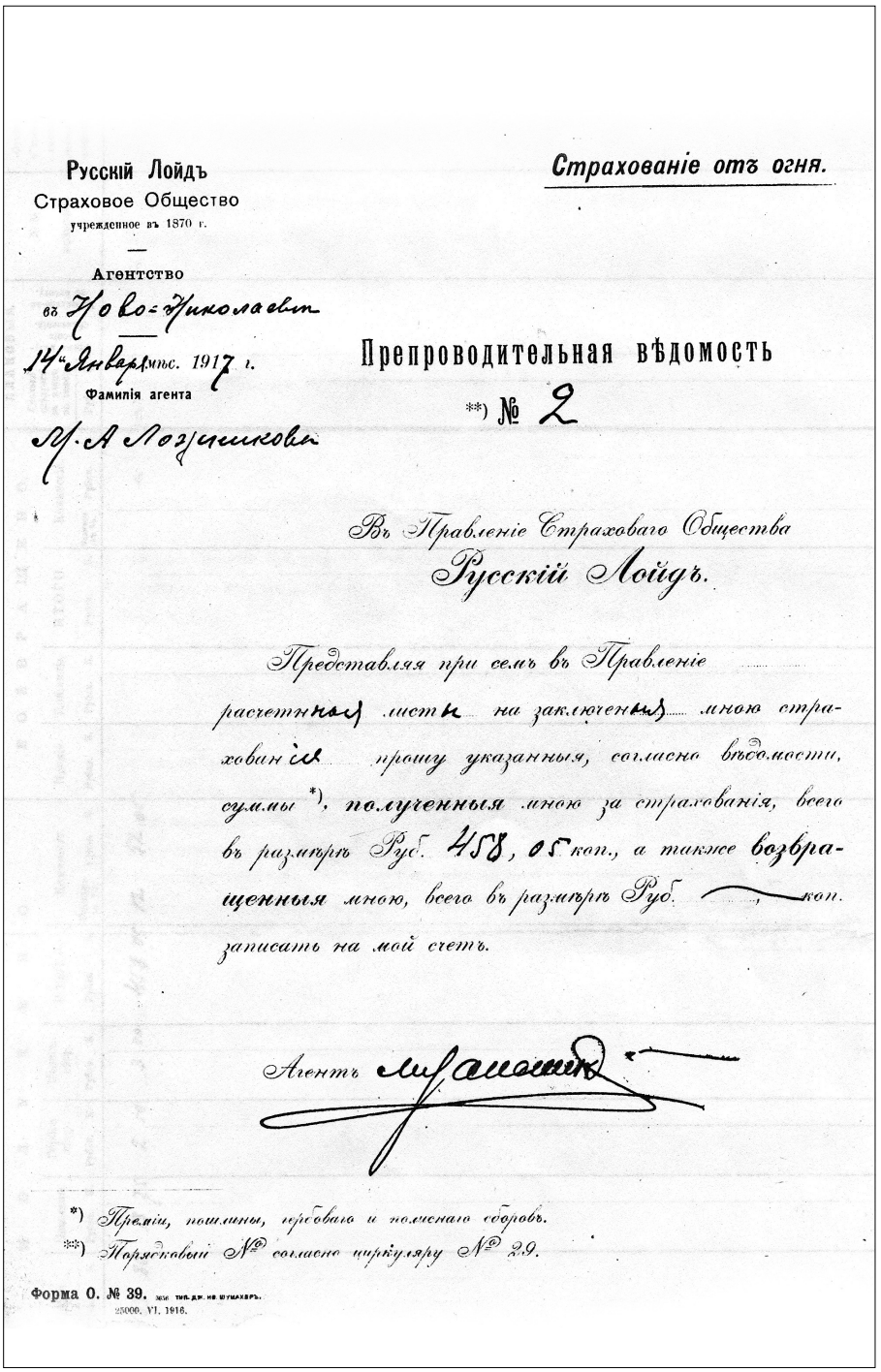
Вр. исп. д. Секретаря

Типографія? Въ другія вѣдомости —

Из «Ведомости о фабриках и заводах, находящихся в районе города Ново-Николаевска в 1912 году»



Страховые документы Новониколаевского агентства «Русский Лойд». 1918 г.



Русскій Лойдъ
Страховое Общество
учрежденное въ 1870 г.

Агентство
въ Ново-Николаевск

14 Января мѣс. 1917 г.
Фамилія агента
М. А. Лозникова

Страхованіе отъ огня.

Препроводительная вѣдомость
**) № 2

Въ Правленіе Страховаго Общества
Русскій Лойдъ.

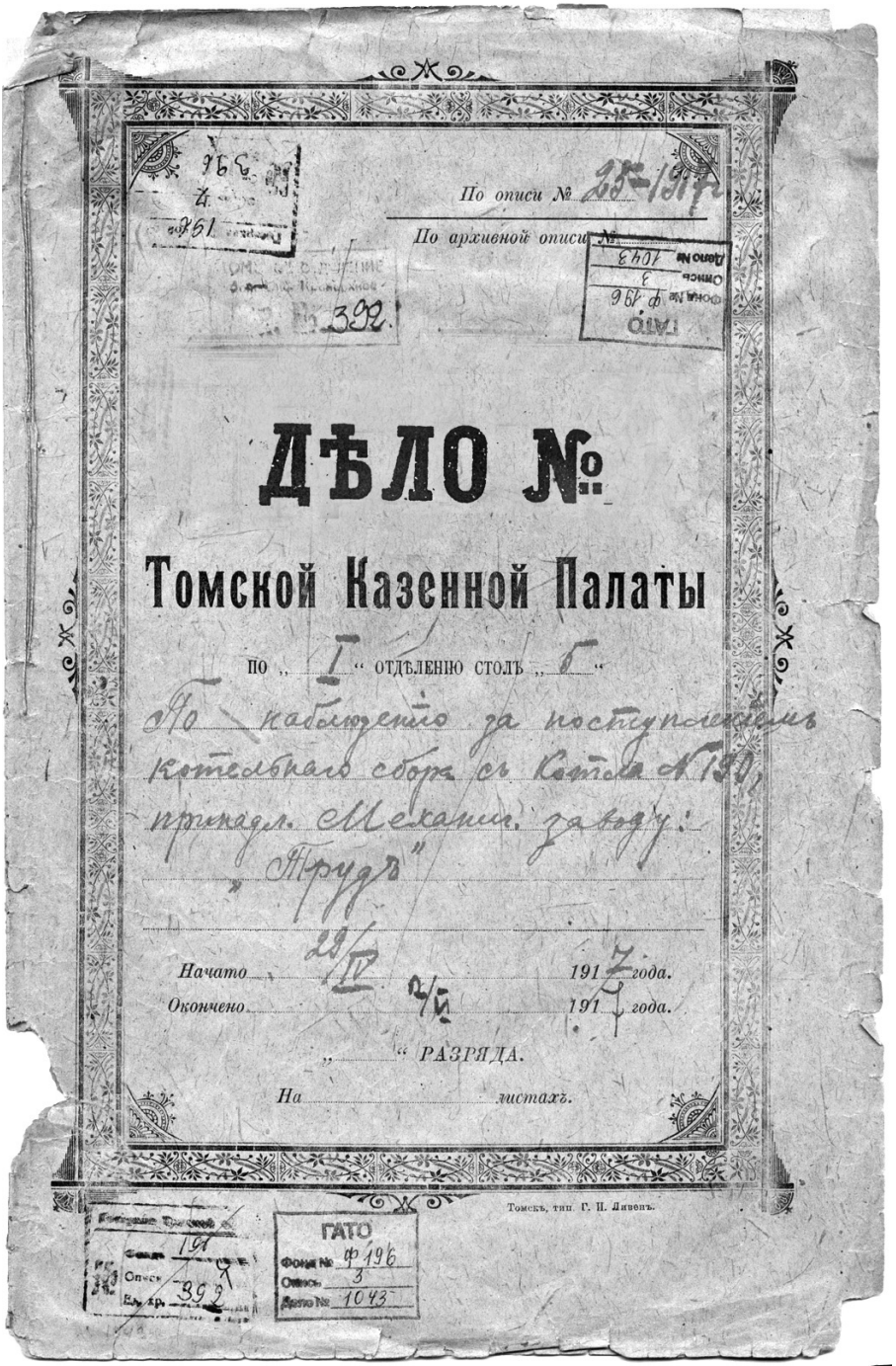
Представляя при семъ въ Правленіе расчетныя листы на заключенныя мною страхованія прошу указанныя, согласно вѣдомости, суммы *), полученныя мною за страхованія, всего въ размѣрѣ Руб. 458,05 коп., а также возвращенныя мною, всего въ размѣрѣ Руб. —, коп. записать на мой счетъ.

Агентъ [signature]

*) Преміи, пошлины, гербоваго и полиснаго сборовъ.
**) Порядковый № согласно циркуляру № 29.

Форма О. № 39. 3656 тип. дж. ив. шумахеръ.
25000. VI. 1916.

Страховые документы Новониколаевского агентства «Русский Лойд». 1918 г.



По описи № 25-1917 г.

По архивной описи №

ГАТО
Фонд № Ф 196
Опись 3
Дело № 1043

№ 392

ДѢЛО №

Томской Казенной Палаты

по „ I “ отдѣленію столъ „ б “

По наблюденію за поступленіемъ котельнаго сбора съ Котла № 190, принадл. Механич. заводу: „Трудъ“

Начато 29/IV 1917 года.

Окончено 2/II 1917 года.

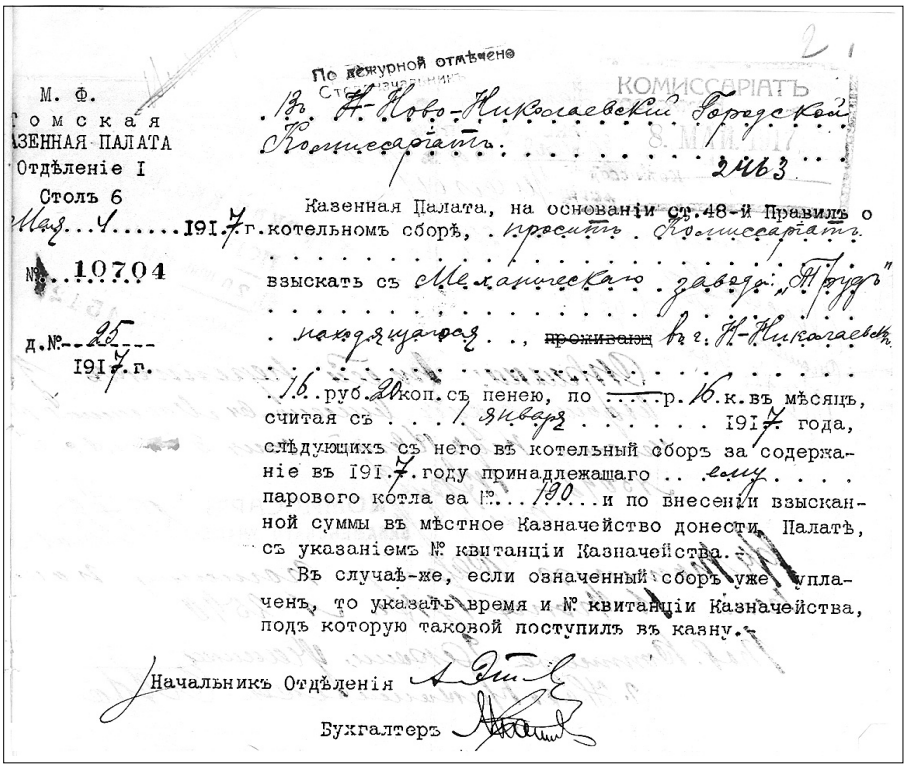
„ “ РАЗРЯДА.

На листахъ.

Томскъ, тип. Г. И. Ливенъ.

ГАТО
Фонд № Ф 196
Опись 3
Дело № 1043

Документы Томской казенной палаты по наблюдению за поступлением котельного сбора. 1917 г.



М. Ф.
Томская
КАЗЕННАЯ ПАЛАТА
Отдѣленіе I
Столъ 6
Мая 1 1917 г.
№ 10704
д. № 25
1917 г.

По дежурной отмѣчено
Старшій помощникъ

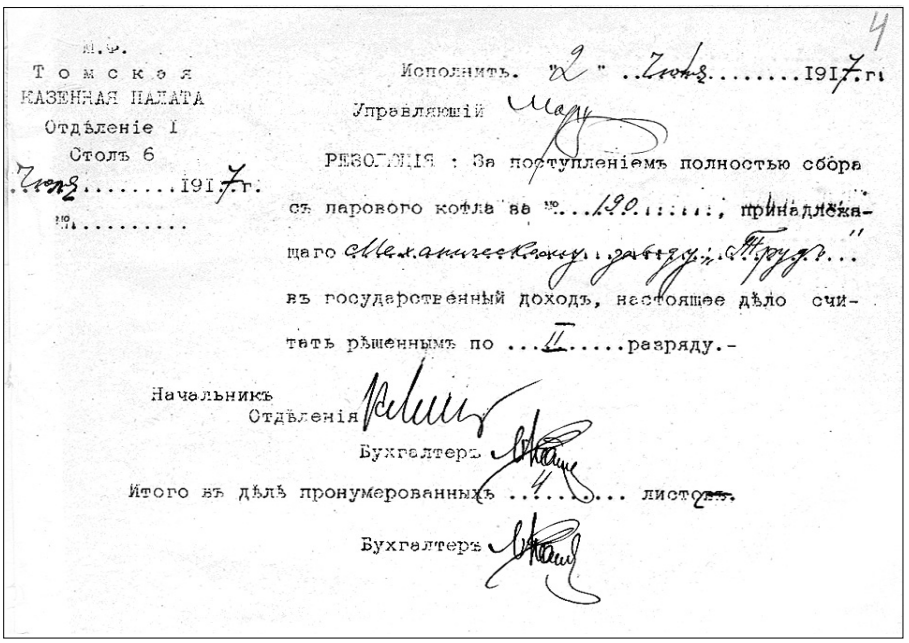
КОМИССАРІАТЪ

Въ Н.-Ново-Николаевскій Городской Комиссаріатъ
2463

Казенная Палата, на основаніи ст. 48-й Правилъ о котельномъ сборѣ, проситъ Комиссаріатъ взыскать съ Механическаго завода „Трудъ" находящагося въ г. Н.-Николаевскѣ 16 руб. 20 коп. съ пенею, по ——р. 10 к. въ мѣсяцъ, считая съ 1 января 1917 года, слѣдующихъ съ него въ котельный сборъ за содержаніе въ 1917 году принадлежащаго ему парового котла за № 190 и по внесеніи взысканной суммы въ мѣстное Казначейство донести Палатѣ, съ указаніемъ № квитанціи Казначейства.

Въ случаѣ-же, если означенный сборъ уже уплаченъ, то указать время и № квитанціи Казначейства, подъ которую таковой поступилъ въ казну.

Начальникъ Отдѣленія
Бухгалтеръ



М. Ф.
Томская
КАЗЕННАЯ ПАЛАТА
Отдѣленіе I
Столъ 6
Іюня 2 1917 г.
№

Исполнить. 2 " Іюня 1917 г.

Управляющій

РѢШЕНІЕ: За поступленіемъ полностью сбора съ парового котла за № 190, принадлежащаго Механическому заводу „Трудъ" въ государственный доходъ, настоящее дѣло считать рѣшеннымъ по II разряду.

Начальникъ Отдѣленія
Бухгалтеръ

Итого въ дѣлѣ пронумерованныхъ 4 листовъ.

Бухгалтеръ

Документы Томской казенной палаты по наблюдению за поступлением котельного сбора. 1917 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

31 ДЕКАБРЯ 1938 г. № 37 (115) г. Новосибирск

ТРУД

Орган парткома ВКП(б), комитета ВЛКСМ и завкома завода „Труд"

ПРИВЕТ СТАХАНОВЦАМ И УДАРНИКАМ—ГЕРОЯМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА!

С НОВЫМ ГОДОМ, ТОВАРИЩИ!

В недоброе старое время последний листок календаря вызывал горечь неоправданных надежд и несбывшихся мечтаний. Русские литераторы отразили душевное состояние тружеников в дореволюционные новогодние ночи. Оглядываясь на истекший год, Некрасов заявлял: «В нем каждый день убийцей был какой-нибудь мечты». Унылой, тоскливой нотой встречал новый год Чехов: «Все старо, все надоело и ждать нечего».

Старое проклятое прошлое, старые проклятые годы канули в вечность!

Советским людям есть что вспомнить в своем прошедшем году и есть что ждать наступающих годах!

1938 год прошел под знаком неуклонного роста страны Советов — политического, хозяйственного, культурного. Этот год принимает общенародное, небывалое, фантастическое достижение, повысил материальный уровень каждого члена большой, советской семьи, укрепил социалистическое общество.

Во всех отраслях народного хозяйства, на всех поприщах общественной деятельности 1938 год ознаменовался выдвижением новых, молодых кадров, героев труда, которые сотни раз доказали в практике своей работы, что кадры растут и крепнут успех в борьбе за планы социалистической промышленности и сельского хозяйства.

Выросла и окрепла наша промышленность, вырос и окреп наш транспорт, вырос и окреп наше сельское хозяйство. Еще лучше, культурнее и зажиточнее живут рабочие, колхозники, служащие, советская интеллигенция.

Истекший год был новой ступенью в укреплении могущества нашей родины, ее обороны. Сокрушительный разгром японской троцкистско-бухаринской агентуры фашизма, оруженной с помощью подлейших приемов шпионажа, предательства и террора, и уничтожающий удар по японскому агрессору, решившему прощупать штыком у озера Хасан крепость наших дальневосточных границ, — эти победы показали всему миру величие Советского Союза, силу нашего народа, зоркость и отвагу наших боевых вождей — Красной Армии и Наркомвнудела.

В идейной жизни страны социализма произошло в 1938 г. знаменательное событие. Вышел в свет «Краткий курс истории ВКП(б)», отображающий гигантский опыт многолетней борьбы партии Ленина—Сталина. Эта замечательная книга могла быть создана благодаря исключительной работе над ней самого товарища Сталина. С выходом этой глубоко-научной книги, подлинной энциклопедии марксизма-ленинизма, мы стали сознательнее, организованнее и тем самым стали во много сильнее. Овладение большевизмом, революционной теорией оплодотворит практику наших кадров, повысит их уровень и большевистскую закалку.

Новый год советские люди встречают с отчетливым сознанием своих задач. Работать еще лучше, работать по-стахановски, множить общественное богатство, выше поднять силу и авторитет советского государства, укреплять его боевую мощь, пикогда не забывать о капиталистическом окружении, повысить революционную бдительность, быть в полной мобилизационной готовности — вот эти задачи.

Залогом дальнейших побед социализма является морально-политическое единство советского народа, единство, так ярко продемонстрированное на выборах в Верховные Советы союзных и автономных республик. Залогом дальнейших побед социализма является железная сплоченность всех народов СССР вокруг большевистской партии и великого вождя учителя и друга трудящихся — товарища Сталина.

Будем же с еще большей силой и страстью работать для блага советского общества и каждого члена этого общества! Будем бороться за дальнейшие победы социалистического строительства, за честь и славу нашей великой отчизны — родины трудящихся всего мира, надежды всего прогрессивного человечества!

Да здравствует новый 1939 год!

С новым годом, товарищи!

Мастер-стахановец кузнечного цеха тов. Исаков А. занесен на областную Доску почета. На снимке: тов. Иванов за изучением истории ВКП(б).

Передовые стахановцы завода: токарь т. Н. В. Федотов (слева) и кузнец [illegible] на областную Доску почета.

УВЕРЕННО ВСТУПАЕМ В НОВЫЙ ГОД

Новый год для рабочего капиталистических стран сулит новые невзгоды, новые бедствия.

Безработному новый год обещает лишения и без того нищенских пособий, работающему грозит безработица. Всем трудящимся — новыми лишениями, угрозой новой мировой бойни.

Совсем по-другому встречаем новый год мы, трудящиеся Советской страны.

Новый год мы встречаем с новыми начинаниями, новыми мечтами.

Стахановцы нашего цеха, металлообрабатывающий неплохо поработали в 1938 году над выполнением государственных планов, над оснащением приисков новым оборудованием.

Цех хорошо справился с производственными планами, особенно за последние месяцы. И недаром ряд товарищей, как Иванов, Жук А. и др. занесены на областную Доску почета, как передовики соревнования.

В будущем году я думаю, что наш цех и в частности мы, кузнецы, своих темпов не сдадим, а приложим все силы, чтобы еще больше повысить производительность труда и качество продукции.

Кузнец-стахановец ЖУК А.

БУДЕМ РАБОТАТЬ ЕЩЕ ЛУЧШЕ

Страна встречает новый год. Встречая новый год и день стахановца, мы подводим итоги работы за год, отмечаем хорошие стороны и недостатки, чтобы в будущем году работать еще лучше, еще продуктивнее.

[illegible] работал [illegible] году [illegible] работа-[illegible] бригада?

Моя бригада слесарей-сборщиков состоит из пяти человек. Работаем мы на сборке машин.

В тех работает дружно, спаянно, этим [illegible] можно объяснить ее успешную работу за [illegible] год.

В начале года бригада была еще не так подготовлена к работе, меньше было сноровки и знания дела, поэтому и выполняли план на 120—130 процентов.

К концу же года, уже не совсем хорошими условиями, когда мы были не так загружены [illegible] дали 170 процентов.

Рост [illegible] выполнения [illegible] росли и [illegible]. Так вырос из ученика в хорошего слесаря тов. Костякин Николай.

В будущем году мы приложим все усилия, чтобы работать еще лучше и вместе [illegible] первые ряды по области.

КИСЕЛЕВ П. — бригадир-стахановец механического цеха.

Многотиражная газета — орган парткома ВКП(б), комитета ВЛКСМ и завкома завода «Труд». Декабрь 1938 г.

БУХГАЛТЕР ЗАВОДА

В мае 1935 года на заседании Совета при Наркомтяжпроме, где обсуждался баланс НКТП за 1934 год, Серго Орджоникидзе в своей речи указал на роль бухгалтера на производстве, как первого помощника и советчика директора по финансовым и хозяйственным вопросам. Наше правительство неоднократно подчеркивало в своих постановлениях, что бухгалтер это — государственный контроль на предприятии. Да это и понятно. Кто может и должен лучше других знать финансовое и хозяйственное состояние завода, как не бухгалтер? Ведь вся деятельность завода фиксируется в массе первичных документов, систематизируя которые, бухгалтер создает один основной документ — баланс завода. В грамотном и правильно составленном балансе, говорил товарищ Орджоникидзе, как в зеркале отражаются все показатели работы завода за отчетный период: здесь и выполнение плана по вопросу продукции, и показатели по труду и себестоимости продукции, и брака и т. д.

Перед бухгалтером на производстве стоят следующие основные задачи:

1. Учет выполнения промфинплана заводом по всем показателям—количественным и качественным.
2. Осуществление функций государственного контроля на предприятии.

К сожалению, нельзя сказать, что у нас на заводе бухгалтерский учет находится на должной высоте. Мы имеем такие недочеты, как отсутствие оперативности (запаздывание с отчетностью), неточность в отражении результатов работы завода за отчетный период (себестоимость — рентабельность), недостаточно организованный учет материальных ценностей и многое другое, что мешает нам хорошо работать.

Я, как главный бухгалтер, по закону, наравне с директором завода несу ответственность за соблюдение сметно-финансовой дисциплины на заводе. Это всем известно. Между тем, у нас установилась практика ставить главного бухгалтера перед уже совершившимся фактом. Вместо того, чтобы прежде, чем провести какое-нибудь мероприятие, посоветоваться с главным бухгалтером, как это правильно сделать, имеются ли финансовые возможности, за счет каких средств и т. д., у нас делают наоборот — сначала сделают или дают согласие; потом пишут распоряжение: оформить, оплатить, выдать и т. д. Это создает нездоровые отношения в работе и зачастую приводит к конфликтам с исполнителями поручений дирекции.

Ясно, что здесь нет никаких признаков того, что главный бухгалтер — это первый помощник, правая рука директора завода.

Хочется отметить еще один, не маловажный факт. Нарком тяжелой промышленности товарищ Каганович в своем приказе обязал руководителей заводов ежемесячно собирать активы, на которых ставить доклад главного бухгалтера о работе завода за отчетный период. Этот приказ еще лишний раз подчеркивает значение и роль бухгалтерского учета и требует участия общественности в выполнении промфинплана завода.

Дирекция нашего завода не выполняет приказы наркома. За последние 7-8 месяцев активы не созывались и о работе завода общественность если и знает, то только отдельные стороны, главным образом, о выполнении плана по выпуску продукции. Такое, я бы сказал, отстранение рабочей массы от участия в вскрытии и ликвидации причин, мешающих заводу хорошо работать, и явилось одним из условий плохой работы завода в 1938 году.

Этой статьей в нашей многотиражке я преследовал одну цель: напомнить руководству завода, что вопросу бухгалтерского учета правительство и нарком тяжелой промышленности уделяют много внимания, что это обязывает дирекцию завода не забывать такой важный участок работы и этим поднять роль и значение советского бухгалтерского учета и советского бухгалтера на заводе.

Наша же задача — задача советского бухгалтера — организовать учет и свою работу так, чтобы стать подлинным государственным контролером и оправдать то великое доверие, которое оказывают нам наше советское правительство и партия.

Ян. ОКУНЕВ.

КОМАНДИР ПРОИЗВОДСТВА

Главное внимание у нас при выполнении планов сосредоточивается на металле, коксе, полуфабрикатах, инструменте, но забывается о главном — о людях, творцах всего дела.

В самом деле. Судьбу производственной программы решают лучшие стахановцы — мастера своего дела.

Вот эти люди, которые играют ведущую роль в выполнении производственной программы цеха, смены: из станочников: Захаров, Алферов, Федотов, Филатов, Песков, Каратаев; организаторы бригадной работы— бригадиры Киселев, Васьков и лучшие слесаря Пех, Булатов; хороший организатор — мастер токарного отдела — Матвей Бондарев.

Поэтому, основной задачей начальника цеха, смены является активизация и заинтересованность всей смены, всего коллектива, каждого рабочего в борьбе за повышение производительности труда.

В этом деле необходим строгий, правильный учет выполнения дневных норм выработки, вместо составления ежедневных «филькиных грамот», не дающих ничего и никому.

Поставить учет так, чтобы в нем отражался весь рабочий день цеха, смены.

Формовщик-стахановец литейного цеха тов. Пискунов занесен на областную Доску почета.

А для этого нужно всемерно укрепить авторитет бригадира — младшего командира производства, повышать его роль и ответственность за выполнение планов, проводя одновременно с этим жесткий контроль за его работой, работой бригады.

Это должен выполнять начальник смены и цеха — средние командиры производства. Они должны руководить младшими командирами, создавать условия для бесперебойной работы. У нас же начальники цехов, смен и мастера превратились в суетливых рассыльных, курьеров, ничуть не похожи на командиров производства, организаторов продуманного производственного процесса.

Из-за ежедневной суетни и беготни по цехам и отделам они не руководят своим производственным коллективом.

Выпадает из поля зрения основное — непрерывный рост стахановского движения и социалистического соревнования. Не используются все имеющиеся возможности для улучшения работы цеха, смены.

Слишком дорого стоят [illegible] такие «[illegible]ьные», как Апрахаков, Пеньк[illegible], Васильев, и в немалую копеечку обходится «курьер» инженер Рюмцев.

С таким положением нужно решительно покончить.

Инженер, техник, мастер, бригадир должны быть не «толкачами», а действительными организаторами, командирами производства.

О. ВАСИЛЬЕВ — начальник смены механического цеха.

Международное положение на пороге нового года

За рубежом 1938 год видел много горя и слез. Много крови пролилось за этот год за нашими границами.

С фронтов Китая и Испании ежедневно поступают сводки военных действий. В еще непокоренной Абиссинии продолжается борьба партизанских отрядов против итальянских захватчиков. Одно из старейших государств Европы — Австрия, занятая войсками германских захватчиков, прекратила в 1938 году свое независимое существование. Другая европейская страна — Чехословакия подверглась жестокому разграблению фашистами и лишилась многих своих земель.

Словно бандиты на большой дороге, действуют в наши дни фашистские захватчики. Горе слабым и плохо вооруженным странам, привлекшим аппетиты хищников!

Фашисты толкнули мир на вторую империалистическую войну. «... Вторая империалистическая война на деле уже началась. Началась она втихомолку, без об'явления войны. Государства и народы как-то незаметно вползли в орбиту второй импе[illegible]ческой войны» («Ист[illegible] ВКП(б)», стр. [illegible]

Войну разожгли фашистские государства: Германия, Япония, Италия. Три поджигателя войны заключили между собой военный союз для грабительских целей.

В к[illegible]питалистическом мире господствует [illegible]ие и грабеж. Ответственность за это падает не только на фашистские государства, но и на так называемые буржуазно-демократические державы: Англию, Францию, Соединенные Штаты Америки. Буржуазия этих стран не только не стремится помешать поджигателям войны, но и открыто покровительствует фашистским насильникам.

Действия фашистских зачинщиков войны прямо направлены против Англии, Франции, Соединенных Штатов Америки. Осуществляя интервенцию против испанского народа, итальянские и германские фашисты тем самым пытаются закрепиться на Пиренейском полуострове — в тылу у Франции и поблизости от больших морских путей, соединяющих Англию с ее восточными владениями. Ведя войну против китайского народа, японские империалисты пытаются вытеснить из Китая английских, американских и прочих банкиров и купцов.

Правители Англии, Франции, Соединенных Штатов Америки делают вид, что насильнические действия фашистов их не касаются. Правители [illegible]тран пр[illegible] интересы [illegible] государств в же[illegible]риальной [illegible]годе господствующей [illegible]зии, видящей в фашистах ценных пс[illegible] капитализма.

Отчетливее всего такая политика сказалась на совещании, состоявшемся о[illegible] 1938 года в германском городе Мю[illegible] между руководителями правительст[illegible]мании, Англии, Италии и Франции. На этом совещании представители Англии, Франции дали согласие на раздел своего союзника — Чехословакии. Больше того: после мюнхенского совещания Англия и Франция настояли на том, чтобы правительство Чехословакии беспрекословно подчинилось всем требованиям германских фашистов. В итоге гитлеровские фашисты добились от Чехословакии всего, что они хотели, а положение Англии и Франции в Европе оказалось сильно ослабленным вследствие потери их важнейшего союзника в Центральной Европе.

Такова политика крупнейших государств капиталистического мира.

Но народные массы этих государств не поддерживают политику своих правителей! Народы всего мира с каждым годом все больше убеждаются в том, что капиталистический строй неотделим от войны. Они видят, что капитализм порождает безработицу и нищету для трудящихся. Они видят что фашизм закрепляет жестокий национальный гнет, нашедший особенно отвратительное выражение в последних еврейских погромах в Германии.

Троцкистские шпионы и убийцы, лазутчики фашистских разведок, стараются по заданию своих буржуазных хозяев разложить [illegible] зарубежных трудящихся. Троцкист[illegible]вокатор[illegible] пытаются убедить трудящихся в том, [illegible] дескать, лучше жить в рабстве, чем умереть в бою. Но народные массы с презрением отворачиваются от троцкистских негодяев.

Народы предпочитают рабству — борьбу за лучшую жизнь. Доказательством твердой решимости трудящихся защищать свою свободу и независимость являются героические войны, которые ведут против захватчиков народы Испании и Китая.

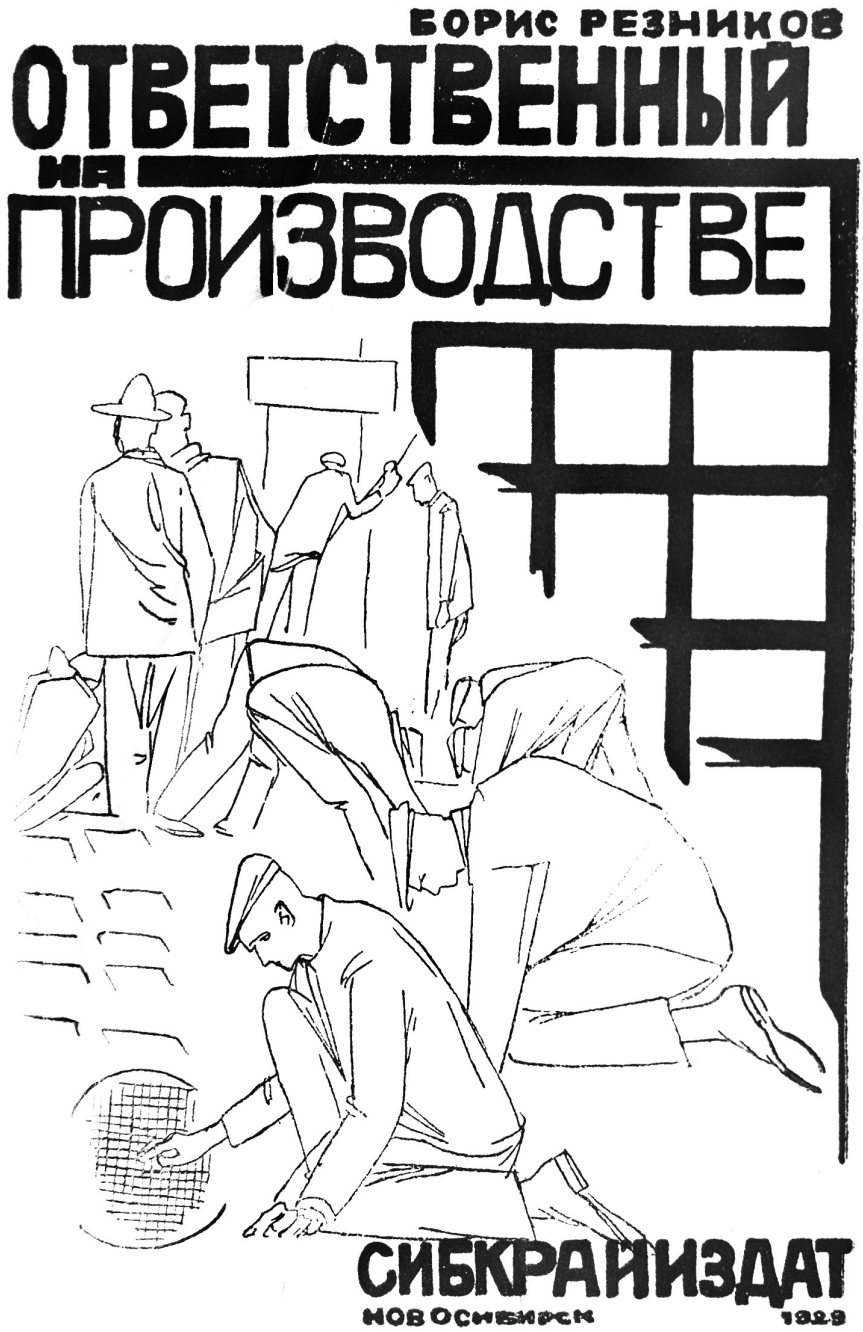
В новый год армии республиканской Испании и Китая вступают окрепшими и возмужавшими, с непоколебимой верой в свои силы и в свою конечную победу над фашистскими варварами. Народы Советского Союза пристально следят за все более усложняющейся международной обстановкой.

Мы знаем: «Всякая, даже небольшая, война, начатая агрессорами, представляет опасность для миролюбивых стран, а вторая империалистическая война, так «незаметно подкравшаяся к народам и охватившая более полмиллиарда населения, — тем более не может не быть серьезнейшей опасностью для всех народов и, в первую очередь, для СССР» («История ВКП(б)», стр. 319).

Верные сыны и дочери нашего социалистического отечества никому не дадут застать себя врасплох. Мы будем держать свои ряды в состоянии постоянной мобилизационной готовности против возможных происков наших внешних врагов и про[illegible] подрывных действий их коварных аг[illegible] в советских тылах. У озера Хасан [illegible] непобедимой Красной Армии дали [illegible]телям войны незабываемый урок [illegible] глядно показали захватчикам, [illegible] рубежи [illegible]

Советскому народу [illegible] сгустившиеся над ми[illegible] [illegible]руг партии Ленина—[illegible] народ идет вперед к [illegible]

Многотиражная газета — орган парткома ВКП(б), комитета ВЛКСМ и завком завода «Труд». Декабрь 1938 г.


БОРИС РЕЗНИКОВ
ОТВЕТСТВЕННЫЙ
НА
ПРОИЗВОДСТВЕ
СИБКРАЙИЗДАТ
НОВОСИБИРСК
1929

Б. РЕЗНИКОВ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ НА ПРОИЗВОДСТВЕ

ЗАПИСИ ФАБРИЧНОЙ ЖИЗНИ

Сибкрайлито № 587
от 9|IX 29 г.
г. Новосибирск,
«Сибполиграфтрест»
Зак. № 50-а. Т. 5000 экз.

СИБКРАЙИЗДАТ
НОВОСИБИРСК
1929

Два слова предварительно

По профессии я — газетчик. Профессию эту дала мне революция. Это было в 1924 г., когда я окончил комвуз. Меня вызвали в губком и сказали: «Ступай работать в редакцию. Будь редактором». Спорить было неуместно. Я пошел в редакцию и стал газетчиком. Теперь я новую профессию свою ни на какую другую не променяю. Разве только партия снова прикажет...

Последние годы я был заместителем редактора сибирской краевой газеты «Советская Сибирь». Одновременно работал в партийном комитете (член бюро окружкома). Во исполнение директивы ЦК партии о посылке на производство ответственных работников меня вместе с несколькими другими товарищами послали к станку сроком на два месяца.

На производство я ушел по-настоящему, т. е. не только работал в цеху, не только нес максимальную нагрузку — общественную и партийную — на заводе, но и жил в общежитии рабочих, бросив на время свою постоянную работу в газете. Надев прозодежду и вернувшись, так сказать, в «первобытное состояние», от которого меня уже отделили 12 лет партийной и советской работы, я увидел много нового и интересного. Ежедневно, возвратившись с работы, я записывал все то, свидетелем чего и участником был за день. Так изо дня в день копились записи, которые предлагаются сейчас вниманию читателя.

Записи, естественно, носят несколько отрывочный характер. В некоторых случаях слишком резки переходы от одного вопроса к другому. Но так как записи велись день за днем и велись об одном и том же заводе, они представляют нечто цельное. Они дают представление о том, как живет и работает небольшой провинциальный завод, каких у нас в республике очень много.

Хотя на завод я вернулся к старой знакомой работе, но, конечно, я смотрел уже на все глазами газетчика, глазами партийного работника. Двенадцать лет — срок немалый! И думаю, что это не помешало, а помогло мне увидеть характерное, интересное в быту рабочих, в жизни завода. Только уверенность в том, что это характерное типично, только надежда на то, что эти сделанные по живым следам записи дадут кое-что новое читателю, заставляют меня напечатать все, что я увидел и продумал за эти два месяца. Делал же я записи не для печати.

С места в карьер

Еще третьего дня, когда я приходил в контору завода договариваться о начале работы, меня заполонил редактор стенгаза тов. Анисимов, из токарного цеха:

— Слышал я, что ты, тов. Резников, к нам на работу. Так ты перво-наперво помоги газету привести в характерный вид. А то я один верчусь.

Но Анисимов преувеличил. Точнее сказать, преуменьшил — он вовсе не один. Сегодня собрали редколлегию, и пришло 9 человек. Все они номинально члены редколлегии, но фактически над газетой никто не работает (в том числе и Анисимов). Молодой литейщик Кузнецов (учился во второй ступени и в «профтехнической») на заседании редколлегии долго и безнадежно жаловался:

— Не хотят рабочие писать. Клещами заметку не вырвешь. На собрании или так где слова находятся, говорят все, а чтобы заметку написать, так нету.

Молодой скептик, он не верит в оживление стенгаза. Остальные или поддакивают Кузнецову, или молчат.

— «Двигатель» и его филиал — «Ильичевка» — серы. Самый свежий номер выпущен к 1 мая. Старик Дюмин недоволен этим номером.

— Почему?

— Больших статей нету. Все мелочи да сплетни. Раз первое мая, значит должна быть руководящая статья, а то читать нечего.

— Почему в газете нет ничего злободневного, почему ничего нет о соревновании в то время, как завод сейчас живет этим?

— Не пишут.

— Да вот, — спохватывается Анисимов, вытаскивая замусоленные, дочерна записанные карандашом обрывки бумаги, — тут кое-что дали.

Оказалось, «дали» пять заметок и все на злобу дня: три — о соревновании, одна — о чистке партии, одна — конкретное предложение по котельному цеху.

— Давно дали?

— Да с субботы, — конфузится Анисимов.

Я подозреваю, что заметки валяются у него в кармане не с прошлой субботы. За это говорит и их потертый вид.

Тут же решили: раз заметка получена, она должна в тот же день появиться в газете. Газета будет выходить не целиком, а колонками, по возможности ежедневно или, по крайней мере, один раз в три дня.

Распределили между собой обязанности: тот будет «добывать» заметки, этот править, третий оформлять и т. д. Правщиками «определили» двух служащих; они охотно согласились. Экспедитор Матвеев взялся достать материал о соревновании. Но через час отказался: «Не могу, мне сейчас на бюро райкома идти». Никуда, однако, он не ушел.

Тут же выяснилось, что администрация не откликается на заметки. Во время заседания редколлегии зашел рабочий:

— Вы товарищ Резников? Из «Советской Сибири»? У меня к вам секрет. На минуточку.

Отвел в угол и шепотом сообщил: на его заметку, уже месяц висящую в стенгазете, никакого ответа. Редколлегии этот секрет известен. Решили просить директора подписать приказ: «Приказываю всем мастерам цехов немедленно отвечать на заметки, появляющиеся в стенгазете и требующие ответа. Ни одна разоблачительная заметка не должна остаться без ответа. Ответ должен быть кратким, толковым и даваться не позже, как через день после появления ее в стенгазете».

По регламенту

В 6 часов общее собрание ячейки, и все явились ровно в шесть, хотя работа кончалась в четыре. Эта аккуратность приятно поразила.

Открывается собрание. Голос с места:

— Установить регламент!

— Два часа!

Принято. Оказывается, два часа не докладчику, а на все собрание. Уже несколько

месяцев, как вкоренился обычай: в начале собрания устанавливать время его окончания.

За два часа выслушали доклад о чистке партии и соваппарата, много вопросов и толковые ответы на них. 11 человек выступили в прениях.

После заключительного слова докладчика и проголосованного постановления председатель сказал:

— 7 минут осталось неиспользованными. Собрание объявляю закрытым.

Художник работает с энтузиазмом

Директор подписать приказ отказался: «Я лучше так постановление сделаю». Стенгазету заполнили почти на все сто процентов новым материалом. Но с каким трудом! Ни бумаги, ни клея, ни краски... Даже кнопок не оказалось. Некому перепечатать на машинке. Попросили у директора разрешения взять хотя бы на полчаса конторскую машинистку. Директор долго думал, велел обратиться к бухгалтеру. Бухгалтер не решился взять на себя такую ответственность, пошел сам к директору. Разрешение на полчаса все же получили.

Кое-что напечатала. Остальное — отказалась. Печатали сами. Одним пальцем. По две секунды букву. Печатали по очереди на «гулящей» завкомовской машинке: уборщица, литейщик Кузнецов, экспедитор Матвеев, старик Дюмин, сотрудничающий в газете под псевдонимом «Старый Воробей».

Материал получили хороший, боевой. Заказ выполнили все. Материал хорошо иллюстрировал в четыре краски доморощенный художник токарь Леонид Терешкин. Рисует неплохо, но совершенно безграмотен. Сделать маленькую подпись ему труднее, чем набросать приличную карикатуру. То и дело спрашивает:

— Какую букву после «пы» ставить?

Следы его работы все же остались в газете. В одном заголовке «коммунисты» написано через два «н», но зато через одно «м». В другом заголовке крупными буквами — «отвт». Но все это мелочи. Художник работал с энтузиазмом.

Многие рады чем-нибудь помочь газете. Руководитель производственного кружка молодежи сам вызвался писать заголовки к заметкам. По заводу немедленно узнали, что делается новая газета. Стали забегать любопытные: «А ну, кого вы тут пришпандориваете?» Пришлось заложить дверь крючком. И дверь беспрерывно сотрясалась желающими взглянуть на газету еще до выпуска.

«Без патриотизма не могу»

Главное место в газете — соревнованию. Большая заметка «Литейный цех рапортует». Первые результаты и достижения. Достижения налицо: брак сократился с 14 до 5 проц. Уплотнили время. Увеличили производительность. Совершенно уничтожили прогулы. Писал заметку формовщик Васильев — боевой, напористый парень. Заказывая заметку, я просил его:

— Ты пиши объективно, без патриотизма к своему цеху.

— Нет, — ответил он мне, — без патриотизма не могу. Потому литейный цех выходит на первое место.

До соревнования это был самый неблагополучный цех.

Несколько хороших заметок не вошли в газету. Выпустим завтра дополнительно. Газету освежили. Но если оставить так, она снова захиреет. Почему? Ведь работать есть кому: и заметку написать, и заголовок придумать, зарисовать. Труда тоже не жалеют. Анисимов — редактор стенгаза, работал в ночной смене, но утром не спал, суетился, бегал, делал газету почти весь день. Другие тоже готовы затратить сколько угодно труда. И газета все же не выходила. Почему? Много мелких препятствий: того нет, этот занят, здесь мешают, там не дают. У всех руки опускаются. У всех девяти членов редколлегии — ни малейшего организационного навыка.

— Мы газету раньше делали по три дня, — сказал мне Анисимов.

Главное — надо подготовить двух-трех из молодых. Они потом вывезут.

Огромная разница

Васильев мне рассказывал, что утром в литейной была дискуссия по поводу моего перехода на производство. Когда кто-то сообщил, что такой-то из «Советской Сибири» будет у нас работать на заливке, большинство одобрило мероприятие партии:

— Пусть поработает, потом больше правды о рабочих будет писать.

Но нашелся один (член партии), который выступил против:

— Ни к чему это. Да и не выдержит? Кишка тонка!

Ему возражали. Он остался в одиночестве. Потом в самый разгар отливки он пришел. Поглядел. Разницы в работе, очевидно, не заметил. Стал помогать. В моей смене все относятся ко мне дружественно, хорошо. Вначале только стеснялись материться, а потом ничего, привыкли. Лишь помощник цехового, старик, выругавшись по поводу одной неудачной чьей-то формовки трехэтажно, покосился на меня:

— Ты уж извини, тов. Резников! Оно как-то неудобно.

Я так и не понял, что именно неудобно, — материться или, наоборот, обходиться без мата.

На заводе я не работал 12 лет. Перерыв приличный. Однако все знакомо. Специфический запах отлитых форм ударил в нос и вызвал соответствующие ассоциации с обстановкой дореволюционного завода. Разница огромная! Иное отношение к работе. Больше бережливости. Прямо-таки хозяйское отношение к производству. Тогда о браке жалел только тот, у кого он получался, да и тот жалел слегка — много ли стоит? Теперь по случаю одной не совсем удачно отлитой формы завязывался целый скандал. Шумели, волновались, матершинили выше всякой меры, потому что всем досадно. А ведь это еще не брак, только прорвало форму. Мы забили прорыв землей, залили водой и спасли форму. Брак мог быть, но его общими усилиями предотвратили.

Та же разница и в отношении к материалу. Помню, мы опоки нисколько не берегли. Бросали их, ломали. Теперь же, когда я нагружал формы, меня несколько раз предупредили, чтобы я как-нибудь не опрокинул притулившуюся у стены стопочку опок, хотя я в этом направлении никаких поползновений и не делал. Но на всякий случай: «Осторожно, товарищ, не опрокинь».

Литейная маленькая, тесная. Вагранка — тоже; вроде игрушечной. Льем 300 пудов в день. Но за отливку упарились. Рубахи и даже брезентовая прозодежда промокли. Вентиляция недостаточна. Так и хочется сказать: «Охрана труда, загляни!» — фраза, над которой газетчики издеваются, потому что она превратилась в шаблон. Кстати, к сведению газетчиков: работа по шаблону считается в литейном цехе самой квалифи-

цированной, так как формовка по шаблону делается без модели.

Сегодня выпущены новые две колонки в стенгазете. Директор приказ подписал. Он висит в стенгазете под грозным заголовком: «Директор приказывает». Все это — уже без моего участия.

Как консервативны шутки!

Сегодня в литейном вновь дискуссия. Это немудрено: литейный — самый разговорчивый цех. До начала литья — никаких машин, ни шума, мешать некому. Формовщики копаются в земле, ворожат над опоками и разговаривают. На этот раз спор шел о воскресниках.

— Вот почему так: воскресники мы часто устраиваем, а спортплощадки у нас нет. А у совторгслужаших никаких воскресников, а все, что надо, есть?

Коммунист отвечает:

— Нас, металлистов, в Новосибирске кот наплакал, и культфонд у нас небольшой. А совторгслужаших вон какая масса. У них и отчислений много.

В спор врывается новый голос:

— Что площадки нет, так вы же сами, молодежь, и виноваты. Старики на воскресник, а вы — к девкам. Кто же вам площадку должен оборудовать?

— На месте площадки они теперь козлов гоняют, — добавляют со стороны.

— На козах верхом ездиють.

— Ладно, еще ни одна коза алиментов не предъявила? Го-го-го...

Терпким юмором, жесткой иронией пересыпаны все разговоры и разговорчики. Но как консервативны шутки, остроты, жаргон! «Остроту» о козах (правда, без алиментов) я слышал в цехе еще до революции.

«Сколько времени?» — спрашивает кто-то. Ему отвечают: «Десять минут нашего». Спрашивавший вполне удовлетворен. «Наш» — это час шабаша, час окончания работы. Так расценивали часы и раньше.

Нет, я не рвач!

У котельщика Тулукина кто-то похитил фуфайку, выданную ему в виде прозодежды. В стенгазете появилась заметка: Тулукин-де небрежно относится к заводскому имуществу. Он вредит этим производству. Заметка была давно. А сегодня, на совещании, Тулукин защищался:

— Это мне позор наибольший, что я — хититель производства. Товарищи, высчитайте с меня стоимость фуфайки в два раза, но снимите с меня клеймо. Я не хититель производству. Меня на весь завод ославили. Это — мне позор!

Другой котельщик — Сорокин — принес в редколлегию коряво исписанную бумажку. Вот ее содержание: «Про меня в заметке «Отчего кони дохнут» сказано, что я разгильдяйничаю. Отвергаю. Чтоб я во время работы ириса или семечки щелкал, так это никогда. От мастера никаких замечаний, кроме одобрения, не получал и впредь обещаю работать исправно и никогда не разгильдяйничать».

Заметку немедленно поместили. Теперь в стенгазете есть уже целый отдел заметок, озаглавленных «Нет, я не рвач», «Обещаюсь работать исправно», «Больше нарушать дисциплину не буду» и т. п.

Общественное мнение — огромная сила. Тон этому мнению дают лучшие рабочие.

Скептики

Вчера на открытом заседании бюро ячейки исключили двух кандидатов: Бахарева и Белова. Главное обвинение: в разговорах с беспартийными они не защищали линию партии. Наоборот, сами же затирали бузу. Исключали решительно. Без сомнения. Беспартийные горячо поддерживали: «Какие же это коммунисты? Липа».

Вообще, из партии исключают охотно. А когда речь заходит о приеме в партию, сразу возникают тысячи сомнений. В этом есть и здоровый инстинкт: в партии должны быть только отборные, тысячу раз проверенные, но в этом же и излишний скептицизм. Тысячу раз проверять — не слишком ли много?

Среди рабочих есть скептики и даже пессимисты. Правда, единицы. Таков коммунист Кобозев. У этого скептицизм — вторая профессия. Основная — литейщик. Кобозев во всем видит плохую сторону. Каждый факт, каждое явление, даже самое положительное, он обязательно истолкует в худшую сторону. Заядлый скептик и молодой Фома Кузнецов, тоже литейщик. Зовут его на заводе соответственно — Фома Неверный. Он беспартийный. Был когда-то в комсомоле. Исключили за пьянство. А было ему тогда 18 лет. Теперь пить бросил. Не прочь вступить в партию. Я нагрузил его работой по стенгазете. Это он сегодня почти заново освежил весь номер. Заметки посыпались со всех сторон. Раньше Фома был уверен, что рабочие принципиально не хотят писать в газету: «Силой заметку не вытащишь». По этой линии действительность нанесла скептицизму Фомы большой удар. Смотри теперь на газету бодрее.

Зав. клубом, комсомолец Тихон Матвеев, все расспрашивал меня, кто и что делает в газете: что делает редактор? А зам. редактора? А зав. отделами? Кто пишет, как печатают и т. д. Сегодня он организовал киносеанс в клубе. Достал за 14 руб. напрокат «С. В. Д.» — картина старая и дрянная. Взял он ее потому, что яркие, красочные плакаты дали в придачу к картине по 6 коп. за штуку. Должно интересно, если такие плакаты.

— А какие картины, по-твоему, интереснее? — спросил я его.

— Само интересные картины из мексиканской жизни. Там на лошадях скачут, дерутся. Красота! Во! — и выпятил над сжатым кулаком большой палец.

На что обиделся Дюмин

Из Крайсовнархоза приходил сегодня на завод инженер. Обходил цеха. Зашел и в инструментальную, к Дюмину. Указал перстом на четыре сиротливых напильника и спросил:

— Это что?

— Напильники, — ответил Дюмин, — чему же больше быть?

— А почему они не завернуты в бумагу?

Дюмин стал объяснять, что напильников всего четыре, их часто требуют, незачем их заворачивать. Инженер вскипел:

— Почему вы меня учите? — И вдруг, ни с того ни с сего:

— Вы на Путиловском заводе работали?

— Нет, — робко ответил Дюмин.

— Значит, вы — не слесарь.

— А что же я? — изумился старик. Я всю жизнь слесарь. На крупнейших заводах

работал.

— Не знаю. Только не слесарь. Надо назначить другого инструментальщика.

— Ежели я не слесарь, так вы не инженер.

— То есть как? — в свою очередь изумился тот.

— Да так. Я таких инженеров со времени революции не видал. Раньше бывали, но теперь таких нет, чтобы так с рабочими разговаривали.

Инженер ушел. Он действительно имеет звание инженера. Дюмин напрасно в этом усомнился. Но он два года работал на Путиловском и теперь этим очень кичится.

Дюмин весь день жалеет:

— Ах, почему я его матом не покрыл!

— Как же так, Дюмин, ведь ты сам требуешь к себе вежливого отношения? — спрашиваю я.

— Это верно. А все-таки жаль, что не покрыл. Душе легче было бы.

Фома Неверный

В час обеденного перерыва проводили беседу о решениях XVI партконференции по вопросам сельского хозяйства. Основанием для беседы послужил вопрос, заданный несколько дней тому назад: почему не хватает хлеба? Беседа, главным образом, на этот вопрос и отвечала. В конце спрашивают:

— Ну как, теперь понятно, почему мы ощущаем затруднения с хлебом?

Двое неожиданно ответили. Первый:

— Да что, пока едим — не голодаем.

Второй:

— А все же лучше бы кулаку дать свободу. Больше бы хлеба было.

Беседа загорелась заново. Уже перед самым гудком тот, кто пекся о кулаке, спрашивает:

— А много ли мы вывозим хлеба за границу?

— Объясняю, что экспорт хлеба прекращен. Хорошо, если удастся обойтись без импорта.

Но тот настаивает:

— А все-таки, должно, вывозят!

— Вот, Фома Неверный, — не удержался я.

— Разуверились мы, — все тот же скептический голос.

На него сразу насело человек десять:

— В чем разуверился-то? Кто тебя обманул, чалдон? Ну, скажи, кто обманывал?

Ответа не последовало.

Пункт о гарантиях

Собрание коллектива. Регламент — час. Шумно. Разговаривают. Курят. Но вот перешли к обсуждению договора по социалистическому соревнованию, заключенному с барнаульским металлозаводом. Сразу установилась тишина. Абсолютное внимание. Ловят каждое слово. В договоре — 13 пунктов:

— На 7 проц. снизить себестоимость.

— На 17 повысить производительность труда.

— На 24 — накладные расходы.

— Превысить программу выработки на 12 проц.

— Прогулы спустить до нуля.

— Брак — тоже до нуля.

Собрание добавило:

— Создать ударные бригады.

— Заслушивать еженедельные сводки по соревнованию.

— Привлечь к соревнованию жен рабочих, чтобы подгоняли. Для этого на днях устроить собрание жен.

В договор внесен пункт о гарантиях. Это предложение вызвало вначале возражения:

— Какие же еще гарантии, если там наши подписи? Это честь наша поставлена.

Но пункт о гарантиях внесли:

— Гарантируем под страхом опубликования через газету на всю Сибирь.

Накладите мне по шеям

Собрание закончилось по регламенту, т. е. ровно через час. Перед закрытием принимали в члены союза токаря Соболева. Директор сообщает о нем: «Лучший токарь».

Соболев до января работал в деревне, имел ремонтную мастерскую. Разорился. У него 17 лет заводского производственного стажа. Кандидатура не вызывает сомнений. Но вдруг загвоздка: недавно вышел пьяный на работу. Соболев клянется, что с ним этого больше не повторится, что он даже навсегда пить бросил. Собрание мнется. Мнения разделились.

Тогда Соболев говорит:

— Если я еще раз допущу для вас такой позор, то прямо накладите мне по шеям и прогоните вон.

Это заявление убеждает почему-то сразу всех. Соболева единогласно принимают в члены союза.

Самое интересное

На заседание бюро ячейки приходят обычно человек 30-40 актива. Из них половина беспартийных. Приходят даже жены рабочих.

Сегодня бюро заседало вначале в кабинете директора. «Кабинет» этот вмещает, при самой большой плотности, человек десять. Остальные терпеливо стоят за открытыми дверями, в сенях. Наконец, кто-то не выдержал:

— Прошу слова к порядку... Что же это мы тут стоим, как в церкви? На паперти божьего храма? Пошли в красный уголок!

Предложение показалось настолько разумным, что без всяких прений и голосований все поднялись и пошли.

— И верно! Как это мы раньше не догадались? Вот голова!

А «голова» посмеивается: «Организация, брат, большое дело».

На повестке дня 13 вопросов, да еще три в текущих делах. Но вопросы маленькие, проходят быстро. Секретарь ставит на обсуждение вопросы не по порядку. Кончив вопрос, он рассуждает вслух:

— Ну, что же мы теперь возьмем?

— Бери что-нибудь поинтересней! — отзываются несколько голосов сразу.

Ставится вопрос о проверке исполнения решений бюро и общего собрания. Док-

ладывает оргкомиссия. Она тщательно проверила исполнение за три месяца. Многое не выполнено. Администрация многое забыла.

Администрация тут же огрызается, но в меру, обещая выполнить все оставшееся. Прения краткие, но жаркие. И все-таки по лицам присутствующих я заключаю, что и этот вопрос еще не тот, «что интересней»...

— Что же ты считаешь интересным? — спрашиваю того, кто откликался на вопрос секретаря.

— Да там есть по поводу личностей.

Действительно, о личностях есть — непартийное поведение литейщика Кобозева и токаря Сээрта. Когда секретарь назвал этот пункт порядка дня, все оживились, хотя заседание уже шло к концу. Всеобщее напряженное внимание.

Партия оптимистов

Сээрта исключили из партии. Шесть месяцев не платил членских взносов. Построил собственный домишко и «вообще опрохвостился», по выражению одного из членов бюро.

О Кобозеве долго спорили. Ему инкриминируется пассивность, подтрунивание над партийными лозунгами и хныканье. Но Кобозев — старый рабочий и во время военного коммунизма не бросил завода. Признает свои недостатки и обещает исправиться. Все же большинство членов бюро за исключение:

— Нам не надо нытиков. В партии должны быть только оптимисты, — говорит Васильев.

Все же Кобозева не исключили. Создали комиссию для детального разбора всех обвинений.

Каюсь, в этом повинен я.

Не соревнуетесь?

Придя поздно домой, прочитал № 19 «Чудака» — «Письмо о тщете славы» Ефима Зозули. Умудренный автор письма любезно советует:

«Дорогие товарищи! Работайте честно и преданно, но не старайтесь перещеголять ближних». Ибо сие совершенно тщетно. Зозуля клянется:

— Ни в коем случае не буду делать того, что другие не умеют.

— Почему?

— Потому, видите ли, что «люди не прощают этого и мстят жестоким забвением».

Можно подумать, что это — ирония. Но нет. Все письмо выдержано в искренне-лирических, чисто зозулевских, тонах. Если это так, то это письмо реакционно. Мы все время призываем рабочих перещеголять других. На этом ведь и построено социалистическое соревнование.

Несомненно, каждый рабочий примет письмо Зозули всерьез. Повторяю, я иронии в нем не заметил. И если «Чудак» считает это «письмо» ироническим, то куда годится такая ирония, которую читатель не может раскусить? (А я допускаю, что я не самый невежественный читатель «Чудака».)

Во всяком случае, такое «письмо» да еще в самый разгар соревнования помещать в журнале бестактно. Странно, как это так Кольцов, редактор «Чудака», человек очень чуткий в политике, допустил такую грубую ошибку.

О смешном и серьезном

Рабочий медницкого цеха Друзин принес заметку для стенгаза. Друзин сообщает, как котельщик Онохин в контрольной будке говорил, что ему непонятны лозунги о соревновании, развешанные по всему заводу: «К чему это? Чудно!» — и смеялся при этом.

Прочитав заметку, я хотел, было, ее выбросить, а в почтовом ящике ответить Друзину в таком приблизительно роде: «Мало ли кто что сказал. Слухов не печатаем».

Посоветовался с членом редколлегии Кузнецовым. Тот высказался за помещение заметки и сам взялся написать к ней примечание.

Назавтра он принес заметку с таким послесловием. «Мы строим социализм, т. е. мы добиваемся такого порядка, чтобы все были равны, чтобы каждый, работая несколько часов (3-4) в день, получал бы взамен все, что ему нужно, ни в чем не нуждаясь. Чтобы построить социализм, нам нужно только увеличить производительность труда, — так говорил Ленин. Буржуазию мы сбросили, свое право строить новую жизнь мы отвоевали. Фабрики, заводы и земля теперь наши. Надо только перестроить их и построить новые, чтобы труд был производительнее. Чтобы каждый рабочий производил с новыми машинами в десятки раз больше, чем теперь. Мы этого добьемся. Но для этого надо напрячь все усилия. Надо научиться работать, как работают германские и американские рабочие. Но они работают на капиталистов, а мы на себя. Социалистическое соревнование — это путь к повышению качества нашей работы, путь к социализму. Над чем же ты, товарищ Онохин, смеешься? Что тебе чудно? Почему ты волынишь?

Шагай в ногу вместе со всеми рабочими! Помогай социалистическому соревнованию! Ведь ты — пролетарий».

Заметку поместили с таким заголовком: «Чему ты смеешься, товарищ Онохин?». А над примечанием другой заголовок: «Если тебе непонятно, мы разъясняем». Заметка пользуется успехом, особенно примечание. Все читают.

Совещание стариков

Перед производственной конференцией, которая будет завтра, созвали совещание старых производственников. Пришло человек 70, т. е. все старики. Но среди «стариков» много молодежи. Парню 25 лет, а он уже лет восемь работает на заводе; значит, «старик». А таких немало.

Пока говорил директор (доклад 30 минут), все казалось прекрасным. Предложения рабочих выполняются. Планы превышены, растем, расширяемся. Одним словом, «живем — богу не жалуемся».

Директор кончил. Заговорили «старики», и картина сразу же вывернулась наизнанку. Все плохо, все никуда не годится. И если бы на совещании присутствовал расторопный прокурор, он, конечно, должен бы был немедленно арестовать всю администрацию, до мастеров включительно.

Большинство говорят кратко, коряво и не всегда ясно. Поэтому отдельные красноречивые ораторы резко выделяются. Эти говорят много, красиво и притом дельно. Таков беспартийный слесарь Николай Иванов. Ему лет под сорок. Он — толстый, моложавый, любит иронию, шутку. Размахивая руками в такт речи, он то повышает, то

понижает голос. То говорит шепотом, то кричит, простирая над аудиторией руки, то замрет в неподвижной позе обличителя. Его слушают с затаенным дыханием. И действительно, заслушаться можно. Говорит он не вообще, а о конкретных делах, затрагивающих каждого. В нем говорит практик, хозяин, болеющий душой за производство, но в то же время не забывающий и своих личных выгод.

Так он, между прочим, обрушился на бригады, недавно введенные на заводе:

— Зачем бригады? От них только лень да разгильдяйство! Когда я работаю один, я стараюсь на себя и жму, подгоняю себя ежесекундно. А в бригаде — один покурит, другой посидит, а третий скажет: «Да ну вас к лешему, что мне? больше всех надо?» Ставка должна быть на индивидуального рабочего.

Свои подтверждения он пытался подкреплять фактами. В бригадах такие-то и такие-то — называются имена — работали меньше, чем раньше, когда они же работали в одиночку. Эти факты, однако, разбил другими фактами другой рабочий — Ленер, коммунист, немец, плохо говорящий по-русски. Он привел цифры, свидетельствующие, что в бригаде рабочие зарабатывают больше на 25 проц. Что же касается случая, на который сослался Иванов, то, действительно, так было, но недолго. И не потому, что рабочие ленились, а потому, что расценки на новую работу были сделаны на глаз.

Иванов на замечание Ленера ничего не мог возразить. На расценки Иванов тоже обрушился: — Что же это такое, товарищи? Чем больше рабочий вырабатывает, тем больше снижаются расценки. Выходит, никакой выгоды увеличивать производительность тебе нет? Этак мы будем топтаться на месте.

Директор подтвердил, что действительно, расценки за последние два месяца снизились на некоторые работы на 65 проц. Но как раз именно на этих работах рабочие теперь зарабатывают не меньше, а больше прежнего, несмотря на снижение расценок. В среднем зарплата по заводу нисколько не снизилась.

Логичность, которую придется сломать

Бывают случаи, что сами рабочие требуют снижения расценок. Так, в медницком цехе рабочие бригады послали в контору своих бригадиров заявить, что ванны, которые они раньше делали по 62 р. за штуку, они предлагают оплачивать по 40 руб. Этот факт может показаться невероятным, настолько он необычен. Когда я рассказал его редактору «Настоящего» тов. Курсу, он сказал: «Не поверят, то есть, я-то верю, а читатель не поверит».

Ну что же! Хотите верьте, хотите нет. Вы привыкли, дорогой читатель, слышать, что рабочий хочет побольше получить, поменьше работать. Это кажется вам вполне логичным. Вам это легко понять. Но ничего не поделаешь, на этот раз привычную логичность придется сломать. Факты начинают перестраиваться на новый образец. Факты не хотят знать, почему вы укладываетесь в старые представления. Рабочие заявили, что они хотят получать не 62, а только 40 руб. за ванну. Что руководило рабочими?

Директор, усмехаясь, говорит, и не по секрету:

— Они знали, что мы скалькулируем и снизим расценки. Рано или поздно они были бы снижены.

Но рабочие все же это сделали сами, и притом сделали рано. Когда-то бы еще

контора скалькулировала и когда-то бы еще снизили расценки. А тут 22 руб. с ванны, пожалуйста, на социалистическое строительство! А ведь ванн-то этих уже сто сделано и еще предстоит сделать несколько сот.

Это пример беспримерный. Старой логикой его не уразумеешь. Так же, как и все социалистическое соревнование непонятно для тех, кто подходит к нашему советскому заводу со старой меркой. Бухгалтера и инженеры подсчитывают поразительные для них первые итоги соревнования и разводят руками:

— И откуда что берется? Непостижимо!

А непостижимое становится уже обыденным. На 65 проц. расценки снизили, а зарплата не понизилась. Зато снизились прогулы. В мае прогулы без уважительных причин упали до 0,2 проц. Осталась какая-нибудь ерунда, чтобы довести прогулы до нуля. Когда, где, в какое время это было — ноль прогулов?

Вернемся, однако, к совещанию старых производственников.

Что такое плановость

Горячо и дельно говорил также котельщик Подоксенов. Недавно в котельном цехе по предложению рабочих была введена «узкая специализация», попросту говоря — разделение труда. Каждый делал только одно какое-нибудь дело: клепал, резал или гнул. Это немедленно сказалось на производительности. Производительность выросла на 15 проц. Но администрация дает работу цеху без плана. Начинают делать одно, вдруг срочное распоряжение: бросай, начинай другое. Узкая специализация в этой спешке летит к черту, а с нею и 15 проц. производительности.

— Даешь плановость! — говорит Подоксенов.

— Даешь плановость! — сколько раз бросали этот лозунг ораторы и докладчики. Сколько раз я его сам повторял и устно и письменно. Но здесь, в устах котельщика Подоксенова, он звучит по-новому, как удар молотка по наковальне, подбадривающий молотобойца.

Директор клялся, что узкая специализация будет сохранена. Плановость установлена. Вообще заключительное слово директора разрядило все страсти. Прокурору уже нечего было бы делать. Значительная часть указанных недостатков была признана и дано обещание их устранить, известная часть отвергнута и разбита фактами. И заново был приведен целый список недостатков в работе самих рабочих. Список тоже признан и «принят к устранению».

Это не было просто беседой. Это было заседание расширенного правления завода. Коллективный хозяин обсуждал работу своего завода, свое дело. Между директором и рабочими — ни тени прошлых отношений — хозяина и слуг. Директор не подлаживался и не говорил предупредительно и заискивающе. Когда кто-то поднял вопрос, что надо-де выдавать бесплатно автобусные билеты тем, кому до завода далеко ходить, директор ответил прямо и категорически:

— Нет, я этого не сделаю.

И разговор о билетах был окончен. Рабочие с директором разговаривали как с сотрудником, а не как с начальством.

У нас устанавливается уже новый тип взаимоотношений между рядовыми и командирами промышленной армии труда. Это тоже ново (хотя на словах об этом уже много говорено) и непривычно. Поторопитесь с логикой, товарищи...

На совещании присутствовали два инженера. Оба молодые, оба недавно кончили

Томский технологический и оба неплохие, по отзывам директора, работники. Они все время слушали внимательно. Но их как бы не было. Один совсем молчал, говорил, в общем, о пустяках. Внимание рабочих ни в какой степени не было обращено на инженеров. А ведь инженер — это в некоторой степени центр на производстве. Но они сидели вроде служащих из конторы. Это печально. Это неприятно поразило.

Коммунистические факты

Сегодня не совсем обычное собрание литейного цеха. На повестке дня — прекращение отпусков. Вопрос стоит так: заказы на литье увеличились. Формовщиков не хватает. На бирже труда нет формовщиков. Директор предлагает формовщикам добровольно отказаться от отпусков. Иначе задержится выполнение заказов. От литейного зависят и другие цеха. Следовательно, вопрос идет о выполнении заказов по всему заводу.

Дело касается каждого формовщика. Профсоюз не берет на себя смелости самостоятельно согласиться с предложением администрации. Пусть решают сами литейщики.

— Высказывайтесь, товарищи!

Высказались все. Но никто и не заикнулся против. Добровольный отказ от отпусков обсуждали как дело, само собой разумеющееся.

— Раз мы договор по социалистическому соревнованию заключили, — сказал формовщик Белов, — значит, программу надо выполнить, а отпуска — не суть важно!

Спорили о том, компенсировать ли отпуска деньгами или перенести отпуска на следующий год. Бахарев вначале высказался за компенсацию: «Я желаю получить деньгами». Но большинство высказалось за перенесение отпусков на следующий год. Тогда и Бахарев заявил:

— Ну и я, значит, переношу свой отпуск.

Никому неудобно оставаться в одиночестве.

Этот маленький факт надо отнести к числу героических. Отказаться от законно полагающегося и вполне заслуженного отпуска ради интересов общего дела — бесспорное геройство. Пусть даже маленькое.

Коммунизм, — говорил Ленин, — начинается там, где личные интересы отступают перед интересами коллектива, перед классовыми интересами пролетариата.

Опять прогулы

С 1 июня опять увеличились прогулы без уважительных причин. С 1 по 10 июня уже 9 прогулов, что составляет 0,4 проц. к числу работающих. А в мае было только 0,2 проц.

Забили тревогу. Обсудили на ячейке. Созвали цеховые собрания во время обеденного перерыва. Рабочие высказывались весьма решительно о прогульщиках. Вон с завода — и никаких разговоров! Завком разъяснил, что это будет незаконно. Надо раньше простой выговор вынести, а потом строгий, потом с предупреждением и лишь после этого «вон».

— При чем тут законы? Если мы постановляем, вот тебе и закон.

— Я замечаю, товарищи, что завком у нас мягкосердечный.

Из области половых отношений

В связи с прогулами выяснилась интересная бытовая черточка. Работница Петрина, работающая в литейном на шишках, не вышла на работу, получив от врача освобождение по болезни. Болезнь же у нее такого свойства: пребольно избил муж. Конечно, это обстоятельство Петрина скрыла от врача. И теперь, когда все узнали истинную причину, все возмущены не мужем, а самой Петриной. Факт незаконного прогула затмил факт скотского отношения мужа к жене.

Но меня заинтересовало именно последнее: за что избил?

Сведения я собрал у Веры Ивановой, тоже работницы литейного цеха, в некоторой степени причастной ко всей этой истории. Вот суть ее запутанного повествования.

Петрин, избивший свою жену, был два года тому назад мужем Веры Ивановой. Но она с ним разошлась и вышла замуж за пожилого рабочего Иванова. Петрин тоже женился. И развод, и женитьба были официальны — через ЗАГС. Вообще, разводы здесь частое явление, особенно если и муж и жена зарабатывают. При этом «старики», вступившие в брак еще до революции, разводятся и женятся чаще, чем молодежь. Новый брак, значит, крепче старого. (А ведь многие еще думают наоборот!)

Ну так вот. Новая жена Петрина неверна своему мужу. Это всем известно. Петрин тоже об этом знает, но относится ко всему равнодушно.

В воскресенье Петрина стала заигрывать с Ивановым, нынешним мужем Веры. Вечером подруги сообщили Вере, что Петрина «заманила твово в темную аллею сада, поди полюбуйся». Вера пошла и встретила Петрину «уже после исполнения естественных надобностей» (выражение Веры). Соперницы встретились (сам Иванов куда-то исчез). Петрина заняла позицию для нападения:

— Ты что же, лахудра, следишь за своим мужем? Что он, твоя собственность, что ли? Ишь, сторожиха какая нашлась.

Вера, оторопев от неожиданности, не отвечала. Но тут откуда ни возьмись сам Петрин. Узнав от окружающих суть происшествия, Петрин вскипел: как, с мужем его бывшей жены?

— Идем до дому!

Дома он зверски избил Петрину, так что у нее три дня была повышенная температура.

Почему именно его возмутила эта «родственная» подробность, в то время, как он к прежним изменам своей жены оставался равнодушным, — осталось неизвестным. То ли чаша его многотерпения переполнилась, то ли его оскорбило, что вот уже вторая женщина предпочитает старика Иванова ему, молодому.

Петрин теперь угрюмо молчит. Да о нем и забыли. Все возмущены прогулом и обманом Петриной: «обманула» врача, обманула весь завод и все требуют, чтобы гром возмездия обрушился именно на ее голову.

Женщины ругают Веру:

— Чего ж ты глядела, дура? Надо было ей морду побить.

— Набила бы харю и не отвечала бы. Пусть не пристает к чужим мужьям.

Вера в смущении обещает исправить дело:

— И набью. Верьте совести, набью. Пусть только встретится.

Я рассоветовал ей прибегать к такого рода мести, разъяснив, что за побои она

может сесть на скамью подсудимых.

— Так все же говорят... — вяло защищается Вера.

Несостоявшийся диспут

Сегодня после работы в красном уголке был интересный разговор о драматургии.

Я читал газету. Старик Дюмин просматривал свежий номер «Красной нивы». В номере — фото памятника Островскому в Москве, у Малого театра. Дюмин внимательно посмотрел на снимок, не торопясь снял очки в тяжелой металлической оправе и сказал в пространство:

— Памятники Островскому ставят, а пьесы его не издают.

Я понял, что Дюмин заводит серьезную беседу и возразил:

— Пьесы Островского можно купить в любом книжном магазине. А журнал «Рабис» дает полное собрание его сочинений дешевым приложением.

— Ну, положим, — больше усомнился, чем согласился Дюмин, — а почему же в театрах не ставят Островского?

— Да чего тебе Островский-то, кум, что ли? — не выдержал Кузнецов.

— Не кум, а пьесы у него хорошие. Лучше нынешних. Теперь все пьесы на один лад.

— То есть как?

— Да так. Все написаны по-одному: мы боролись, победили, остались живы-здоровы, чего и вам желаем.

Я невольно рассмеялся.

— Ты не смейся. Я дело говорю. Перевидал я много пьес, и все они такие. А Островский действительно умел показать разных типов: смотрите, мол, и не будьте такими дураками. Научные, прямо скажу, пьесы.

Я не докончил еще статью Осинского об очередных задачах автостроения и спорить не хотелось. Дюмин еще поворчал немного и замолчал. Диспут о новой драматургии не состоялся.

О чем спрашивают прокурора

Во время обеденного перерыва на заводе был прокурор. Он сидел в красном уголке и отвечал на вопросы рабочих. Эту юридическую консультацию организовали по предложению рабочего Иголина. Успех консультации превзошел всякие ожидания. Народу в уголок набилось много. И у каждого — тысяча вопросов. Обступили прокурора со всех сторон, так что его, низенького, лысого, и не видно было за широкими спинами рабочих.

То и дело раздается нетерпеливый голос: «Ну, будет тебе! Десятый вопрос задаешь! Вот, товарищ прокурор, поясните мне…».

Поразительное открытие: большинство вопросов, заданных прокурору, — об алиментных делах. Об этом на разные лады спрашивали молодые и старики, женатые и холостые. Что за странный интерес к алиментам? В этой странности, однако, ничего странного нет. В конторе я узнал, что 20 проц. всех рабочих платят алименты, которые с них и высчитываются при выдаче зарплаты. Старик Рыбаков, мастер котельного цеха, тоже платит. Рыбаков — коммунист. Мы с ним друзья еще по совместной работе в Черемхово, и я спросил его: откуда сие? Он без смущения ответил:

— Разошелся. Ну ее к монаху. Вначале сам добровольно платил половину зарплаты. А потом дети подросли. Старший сын уже работает слесарем. Я женился заново и плачу теперь только 20 проц. с зарплаты.

— А женился, небось, на молодой?

— А то как же? — весело смеется Рыбаков.

Уже перед самым окончанием обеденного перерыва кто-то из молодых, долго и нетерпеливо добивавшийся очереди, спросил у прокурора:

— Скажите, товарищ, почему это так: вот я ежедневно читаю в газете происшествия: того обворовали, того ограбили, этого убили. Всех жуликов арестовывают и в тюрьму. А откуда ж новые берутся? Обучают их этому делу в особых школах, что ли? Долго я над этим делом думал. Непонятно.

Общий смех не дал прокурору ответить. Как из мешка картошка посыпались реплики:

— Сегодня арестуют, завтра выпустят.

— Если бы не выпускали, угрозыску нечего было бы делать.

— А ты что, в жулики записаться хочешь?

— Не бойся, иди смело. Дело выгодное!

— Работенка хорошая. Хоть пыльна, но денежна.

Спрашивающий в смущении ушел.

Мой коллега

У меня болит рука. Хирург Диц поставил диагноз: холодное воспаление сухожилий ладони. Это осложнение после глубокого разреза осколком стекла еще недели за две до работы на заводе. От этого «холодного воспаления» распух средний палец левой руки. В литейной работать невозможно. Перевели в котельный цех. Работаем втроем. Кроме меня, Николай Шустов и Михаил Емельянов. Михаил тоже недавно в котельном цехе. Раньше работал в механическом.

Года три тому назад он был разносчиком газет «Сов. Сибири» и на этом основании зовет меня «коллегой»: он газетчик, и я газетчик. Сегодня клепали железные баки для маслозаводов. И так как двое из нас — новички, то многие подходили глядеть:

— Ну что, привыкаете?

— Смотри, Колька, не заедь ему кувалдой в висок. Кувалду сломишь.

Михаил огрызается. Кроет матом. Но работа идет скоро. Наложили несколько сот заклепок, осадили их. Не хуже заправских котельщиков. Кончили. Мишка выпрыгнул из бака — он держал кувалду, а мы с Колей клепали в два молотка — сдвинул кепку на затылок, вытер грязными руками пот и с задором:

— Ну, кто скажет, что мы плохо работаем? Морду набьем!

Он сказал «набьем», не сомневаясь, что мы с Колей, безусловно, примем участие в этом деле. И мы не возражали. Тем более что и мастер похвалил нашу работу.

«Оптик»

В каждом цехе — свой балагур. Балагурят, собственно, все. И во время работы, даже самой жаркой, и в короткие перерывы для курения, и до гудка, когда работать еще нельзя, но все уже собрались. Но в каждом цехе есть свой балагур-профессионал. Это заводила и коновод. Он дает смешные прозвища каждому, находит объекты для

шуток. Балагур как бы председательствует на шутейских собраниях.

Таким балагуром в котельном цехе был подручный Добрышев — человек косой, расторопный и отчаянный сквернослов. В шуточных пикировках он всегда выходит победителем. А победив, он задорно спрашивает: «Ну, кто косой?» Это должно означать: «Куда тебе со мной тягаться!» Все хохочут.

В котельном одного рабочего прозвали «частником». Так его все и называют. Настоящее его имя и фамилию знают, кажется, только мастер да бригадир. Частником его зовут потому, что у него была когда-то своя собственная мастерская.

Сегодня утром, до гудка, когда все уже были в сборе, балагур Добрышев предложил изменить кличку частника:

— Ну что значит частник? Это позор нашему цеху. Вроде как урядник или полицейский. Предлагаю сменить.

— Как?

Добрышев деланно-серьезно обошел вокруг «частника».

— Нашел! Предлагаю назвать его оп-тик, оптик, одним словом.

— Почему оптик? — удивились все.

— А это означает «маленький мужичок с... большим... носом».

Раздался громовой хохот, словно все молотки в котельной застучали сразу. Не смеялся только «частник». Он серьезно обижен. Целый день его изводили, но он не откликался. Кличка «частник» для него еще приемлема, но «оптик» — это уж, извините, выше всякой меры. Даже уходя после гудка домой, частник дулся и не оборачивался на частые оклики.

Все шутки Добрышева исключительно похабны Но такие шутки нравятся. Они вызывают смех. Смеются и коммунисты. Несомненно, эти краткие предутренние и обеденные беседы можно было бы использовать более культурно. Но никто об этом не думает. И коммунистам невдомек. Добрышеву, очевидно, очень хочется направить стрелы своего остроумия и на меня, но пока это ему не удается. Во время самой жаркой работы в нашей группе он вдруг подошел, долго смотрел, ища, за что бы ухватиться.

— Ага, привыкаешь! Любишь кататься, люби и саночки возить.

Это, разумеется, относилось ко мне. От неожиданности я не нашелся, что ответить. Ответил Михаил Емельянов:

— Чего зубы скалишь? Он (кивает на меня) тебя тут может заменить, а вот ты поди его в редакции замени. Небось, кубышки не хватит.

Атака была отбита.

Характерная мелочь

Папиросы третьего сорта «Пушка», «Бокс» или «Ой-ой» рабочему сподручнее во всех отношениях. Во-первых, цена, во-вторых, упаковка. Коробку «Сафо» или «Волга-Дон» куда ни положи, изомнется, что и происходит у меня ежедневно. Третий сорт не помнешь, они портативно упакованы, и пачка в 25 штук по размеру помещается в верхнем кармане прозодежды, там, где почти у каждого карандаш и бумага.

На удобство папирос третьего сорта обратил мое внимание старый котельщик, увидев измятую «Эпоху».

— Если бы мне первый сорт продавали дешевле третьего, — сказал он, — и то не

купил бы. Все одно помнешь. «Эпоха» — это не для нас.

Интересно, известно ли это табачной фабрике и сознательно ли она делает такую «классовую» упаковку или это совершенно случайно?

Когда же, наконец?

Сейчас же после работы было общее собрание рабочих. Первый доклад — о рабочем снабжении — делал член правления ЦРК Копытков. В 30 минут он успел всего-навсего сообщить кучу общих сведений. Наговорил приблизительно следующее:

— Хлеба у нас мало, потому что недород на Украине. Сахару не хватает потому, что недород свеклы. Мяса нет, потому что Крайгосторг не выполняет договоров. Масла нет потому, что его вообще мало.

Его забросали вопросами — конкретными и ехидными. От большинства из них он отделывался так:

— Мы еще недостаточно поворотливы.

— Но когда же, наконец, вы начнете поворачиваться? Ведь уже двенадцатый год революции.

Кто-то доставил докладчику кусок недопеченного хлеба из церабкооповской пекарни:

— Попробуйте на вкус!

— Я это знаю, — ответил докладчик.

— А коли знаешь, так почему делаешь? Нас за брак во как жмут, и справедливо жмут. А вас что же, целовать прикажете за негодный хлеб?

Докладчику стало жарко.

— Нас такие доклады не удовлетворяют. Общими фразами от нас не отделаешься.

— Довольно стыдно ссылаться на неповоротливость! Этим не спасешься.

— Ты говорил, что дефицитные товары в первую очередь дают в рабочие районы, а я скажу, что это неверно. Зайди в наш магазин и зайди в магазин в центре. Там все, а у нас ничего.

Постановили: перенести прения на следующий четверг. Докладчику лучше подготовиться и привести с собой еще кого-нибудь себе на помощь.

Собрание показало поразительный рост сознательности коллектива. На мякине общих фраз рабочих теперь не проведешь.

Увязка с колбасой

Затасканные слова вроде «увязать», «согласовать» и тому подобное, настолько уже надоели, что рабочие над ними всячески издеваются. В общежитии рабочей молодежи при заводе, где я сейчас обретаюсь, за чаем происходит разговор. Матвеев Афанасию:

— Ну, как насчет чайного постановления?

Афанасий — Матвееву:

— Голосую единогласно. Вот я увязываю стакан с блюдцем, согласовываю его с чайником, делаю поправку на сахар и получаю горячую резолюцию.

— Предлагаю включить в повестку дня колбасу.

— Против колбасы принципиально не возражаю, но в данной конкретной обстановке, принимая во внимание наши ограниченные возможности, предлагаю вставить

в резолюцию одно слово «чайная». Я — за чайную колбасу.

Матвеев:

— Принято единогласно. Андрей, дуй за чайной колбасой!

Так, за шутками и смехом проходит наш вечерний чай.

Самое обидное слово

В модельном цехе — скандал. Директор на каком-то заседании или совещании сказал, что со стороны некоторых модельщиков наблюдается рвачество. На этом совещании, где говорил директор, был только один модельщик Марченко, украинец, говорящий с сильным украинским акцентом. Человек, сохранивший темперамент и вспыльчивость, несмотря на то, что ему уже перевалило за полсотню. Он возражал директору, но безуспешно. Не хватило доводов:

— Ты будешь отвечать, тов. Гоба, за эти страшные слова!

— Безусловно, я отвечаю за свои слова! — спокойно ответил директор.

Назавтра весь модельный цех — на дыбы:

— Какие мы рвачи? Пусть докажет!

— Создать комиссию! Нехай разберется.

— Почему на нас такой позор?

Создали комиссию: представитель Крайотдела металлистов, один от слесарного цеха, один от модельного, представитель завкома и я. Меня избрали в модельном по предложению Марченко.

— Нехай он скажет, справедливый человек.

В качестве такового я и участвовал в комиссии. Сегодня в перерыв, после наскоро проглоченного завтрака, комиссия заседала в модельном.

Выяснилось следующее. Мастер цеха Лангерман не дает твердых расценок на работу. Принесет чертеж какой-нибудь модели и спрашивает: «Тебе сколько за нее?» Рабочий на глаз запрашивает: «35 рублей». — «Нет, не дам. Получай 25». Начинается торг. Торгуются долго, почти как на конном базаре. Сторговались. Рабочий приступает к работе. Оказывается, работа требует много времени. Тогда мастер набавляет.

Все это, естественно, создает недовольство. Запросы, новая торговля и так далее. Это и дало директору основание бросить грозное обвинение в рвачестве.

— Но почему же вы так делаете? — спросил я Лангермана.

— А я стараюсь, чтобы рабочий заработал 5 рублей в день, не меньше, но и не больше. Если вижу, что выработать пятерку нельзя, я надбавляю.

Комиссия признала такой метод расценки неправильным. Постановила ввести твердые расценки на каждую модель до начала работы над нею. Обвинение в рвачестве с цеха сняли.

Марченко, ходивший эти дни мрачнее тучи, нервничавший и матюкавшийся, повеселел и теперь ходит гоголем. В стенгазете поместили карикатуру на него и на Лангермана. Лангерман недоволен карикатурой. Марченко — наоборот.

Разрешенный спор

У кого работа тяжелее: у рабочих или у крестьян? Этот вопрос до сих пор остается спорным. В деревне нередко и сейчас еще можно услышать разглагольствования на тему о легкости заводской работы: отработал 8 часов — и свободен.

Недавно, на большом красноармейском митинге, где мне пришлось стать докладчиком, было несколько выступлений на ту же тему: у крестьянина — каторжная работа. Он трудится от зари до зари и т. д. В свете этих разговоров приобретает особенный интерес случай в котельном цехе.

Я заметил, что, начиная работу, все поддразнивают одного парня:

— Ну, Петрован, поедем в деревню?

Петрован огрызается добродушными матюгами.

В чем дело, почему в деревню и почему Петрован сердится? Оказывается, Петрован недавно, всего несколько месяцев, приехал из деревни. Поступая на завод, он похвалялся:

— Ну, что тут у вас за работа? Вот в деревне, так там действительно на работе ребро за ребро заскакивает. Отдохну я здесь, на заводе.

Никто с ним не спорил: ладно, мол, отдохни! И Петрован начал «отдыхать». Первый день он работал с двумя другими рабочими. Заклепал 600 заклеп. А нормой считается 800, некоторые добивают даже тысячу за 8 часов. Петрован обливался потом. И сразу же перестал хвастаться. Назавтра он уже еле работал. А на третий день заявил:

— Не могу, товарищи! Поеду лучше в деревню.

Тут его и взяли в работу:

— Ага, в деревню! Ну, где потяжельше-то будет?

— Ну, как отдохнул?

— Ты, гляди, не растолстей от такого отдыху.

Язвительные реплики и шутки сыпались градом. Но Петрован не отвечал. Он выбился из сил и потерял всякий задор.

Петрован все же в деревню не уехал. Кое-как привык. Теперь работает хоть и не так производительно, как другие, но все же работает. А капитулянтское «лучше поедем в деревню» так за ним и осталось. Когда бригада берется за молотки, обязательно кто-нибудь скажет:

— Ну, поедем в деревню!

Петрован огрызается, остальные смеются.

Что делать?

Сегодня до работы в цеху, как всегда, беседа.

— Вчера целый день в лото играл; копеек одиннадцать выиграл, — сообщает пожилой рабочий Ягода.

— Ну, в лото, — насмешливо отзывается другой. — В лото играть все одно, что зад чесать. Ягода немного обиженно:

— Ну, а что делать? Целый день деться некуда. Хоть топись.

Знаменательный вопрос: что делать? Рабочему совершенно нечем заполнить свой досуг. И серьезный, пожилой человек, чтобы убить время, играет все воскресенье в лото. А ведь у нас два клуба, летний сад, два освобожденных культработника, не считая культкомиссии, апокомиссии и прочая и прочая...

Что делать? — мучительный вопрос. В общежитии молодежь от нечего делать тренькает на балалайке, на гитаре, запузыривает «Подгорную» до тоски, до одури. И все оттого, что нечего делать. Книг почти не читают. Газета только просматривается. Сегодня получили «Сибирь на страже» — один экземпляр. Газета в полминуты обо-

шла всех, не задерживаясь. И только Афонька Егоров в шутку выразил общее мнение:

— Картинок нет, значит, и читать нечего.

Газета, между прочим, была богато иллюстрирована.

Что делать? От нечего делать доходят до такого рода забав. К Афоньке-комсомольцу, боевому и веселому парню, пришли в гости две девушки. Они хорошо, с претензией на шик, одеты. Сидели, мирно беседовали. Афонька поймал котенка и налил ему под хвост одеколону. Одеколон — не редкость в общежитии молодежи. Котенок жалобно замяукал, дико и смешно кувыркаясь по полу. Сплошной хохот, мало чем отличавшийся от ржанья, заполнил комнату. Одна из девушек, покраснев, бросила по адресу Афоньки: «Нахал» и вышла. Афонька перестал хохотать.

О женской красоте

В обеденный перерыв в цеху неожиданно вспыхнул спор о женской красоте. Сидящие разделились на две партии. Одни утверждали, что самая красивая женщина та, у которой маленькие глаза, другие, наоборот, считали главным признаком красоты большие глаза. Спорили серьезно, с ожесточением. От глаз, по мнению споривших, зависят многие свойства женщины. Приводились живые примеры, не исключая и собственных жен. Спору не предвиделось конца. Наконец, один привел самый веский аргумент:

— А ты читал романы? (ударение на первом слоге). В романах всегда красивые женщины описываются с большими глазами.

Этот довод победил. Сомнений больше не было. Романы, значит, тоже имеют кое-какую ценность. Напрасно «ЛЕФ» против романов...

Буза

В ячейке, на общем собрании и на бюро — буза. Спор идет по поводу приема рабочих в партию. Есть группа товарищей, к которой примыкает вся оргкомиссия. Они фактически саботируют прием новых членов. Их лозунг: «Осторожно!». Они говорят: «Мы не можем принимать всякого в партию», — и фактически никого не принимают.

Уже много месяцев ячейка не растет. Наоборот, уменьшается. За месяц принят один и исключено четверо. А желающие вступить в партию есть. Среди них много старых производственников, активистов. Я беседовал со многими из них. Но заявлений они не подают. Почему? Во-первых, некоторые подавали и... заявления или терялись, или отклонялись. Не всякому лестно проситься в партию и получить отказ. Во-вторых, нет рекомендателей. Никто из местных партийцев не хочет дать рекомендацию. На рекомендацию смотрят, как на «страшно ответственное дело», от рекомендуемого требуют почти идеальных качеств. И даже Кобозев, которого самого чуть, было, не исключили из партии, на просьбу о рекомендации отвечает:

— Нет, ты еще не изжил своих недостатков!

А спросите его, какие такие недостатки? Он не ответит. Рыбаков отвечает еще проще:

— Не могу дать рекомендацию, потому я уже шестерых рекомендовал.

Шестерых за все время пребывания его в партии.

И ячейка не растет. Я затеял бузу против этого. Дело начинает продвигаться, но медленно. На каждом заседании бюро вскрываются такие образчики волокиты с за-

явлениями, что впору самому бюрократическому учреждению. Масса сочувствует бузе. Входит секретарь ячейки с папкой под мышкой. Кто-то язвит:

— Вот бюрократ пришел. Гляди: волокита за ним тянется.

Все смеются. Смеется и сам «бюрократ».

Вообще, «буза» носит товарищеский, шутливый характер. Иначе, действительно, может возникнуть склока.

Реакция

В котельном цехе интенсивность труда явно снизилась. Чаще садятся курить, переговариваются. Вообще не торопятся. На прошлой неделе все «грелись», т. е. рубашки у всех были мокрые. Теперь ничего. Рубахи сухие. Оказывается, месячный план цехом уже выполнен. Заказ надо сдать через несколько дней, а он готов. Получка десятого, а приработок уже превышает 100 проц. А тут слухи прошли о возможном снижении расценок. Торопиться, значит, некуда.

В ослаблении интенсивности повинны одинаково и беспартийные и коммунисты. Желание сохранить старые расценки — это одна причина. Другая та, что с одинаковой высокой интенсивностью в котельном цехе, пожалуй, трудно и работать. Механизации почти никакой. И после нескольких дней напряженнейшего, выматывающего жилы труда неизбежно наступает реакция. Нужен клепальный станок. Нужна хотя бы элементарная механизация, чтобы и производительность и интенсивность труда стали равномернее и выше.

Директор обещает все эти мероприятия к концу лета провести.

Приятный сюрприз

В прошлом месяце прогулов по неуважительным причинам было 0,23, а за июнь — 0,21. Приятный сюрприз. Почему приятный — понятно само собой, а сюрприз вот почему. 10 июня директор доложил в ячейке, что «прогулы скакнули вверх». Потрясая 11 синими карточками, он требовал похода против прогулов.

Немедленно забили тревогу. Поставили вопрос на общем собрании ячейки, на цеховых собраниях, поднакрутили мастеров и т. д. Но кое-кто усомнился в реальности приведенных директором цифр на 10 июня. Тогда через стенгазету сделали следующее. Поручили членам редколлегии опросить каждого прогульщика в отдельности. Пошла по рукам анкета: «почему я сделал прогул?». И оказалось, что из 11 только один действительно прогульщик. Остальные или работали без всяких прогулов, или были посланы по заводским делам в город. Напутали табельщик и конторщик.

Вместо анкеты в газету пришлось поместить заметку под заголовком: «Не так страшен черт, как его малюют». Но тревогу мы забили, шуму наделали. И вот результат: прогулов меньше четверти процента и меньше, чем в мае. А мы в июне ожидали больше прогулов.

Постылое и желанное

При социализме труд будет желанным, работа — удовольствием. Но как далеко еще до этого на нашем заводе «Труд»!

В котельном цехе, где почти нет никакой механизации, работа прямо изнуряет.

Вот небольшой, но красноречивый показатель того, насколько рабочий тяготится своей работой. Во всем котельном цехе часы есть только у меня. Когда это стало известно, отбою не было от желающих узнать, который час. Почти ежеминутно подходят с вопросом:

— Сколько там натянуло?

Или:

— Сколько у тебя, тов. Резников, набрякало?

И по мере приближения стрелки часов к гудку оживляются лица спрашивающих. Совершенно ясно: не дождутся прекращения работы. Чтобы избавиться от подобных вопросов, я снял куртку с часами и повесил ее в мастерской. Теперь ежеминутно ходят не ко мне, а к куртке.

Все это как будто не предвещает скорого превращения постылого ныне труда в наслаждение. И тем не менее…

Мы втроем рубили сегодня листы толстого десятимиллиметрового железа. За неимением хотя бы ручных ножниц или пресса, рубили так: один держит зубило, двое бьют по зубилу кувалдами. За 8 часов успеваем обрезать с трех сторон лишь один лист. Ножницами это делается в 20 минут. И вот интересное явление. Многие в перерывы работы прибегают к нам и вместо законного своего отдыха бьют кувалдой. Совершенно ясно, что они делают это только для собственного удовольствия. Охотники бить молотом по зубилу не переводятся. Одни уходят, другие приходят. Мы били уже не вдвоем, а вчетвером одновременно. Махать кувалдой своего рода спорт. Те же самые рабочие, которые ждут-не дождутся окончания своей постылой работы, с наслаждением делают то, что они вовсе не обязаны делать. Тут же, рядом, в одном и том же цехе, у одних и тех же людей работа-страдание и работа-удовольствие. При этом работа одинаково тяжелая. Конечно, большое значение имеет здесь разнообразие. Ничто так не изнуряет, как однообразная тяжелая работа.

Диспут о мещанстве

Придя с работы и пообедав, я прилег с книжкой в руках. Читать, однако, не пришлось. Начался горячий спор о мещанстве. В общежитии живет только холостая молодежь. Сейчас пять парней наседают на одного — Макарова, обвиняя его в мещанстве. Макаров, при молчаливом сочувствии двух, огрызается и, в свою очередь, обвиняет в мещанстве своих оппонентов. Спор идет горячий, резкий, но не отвлеченный. Говорят о конкретных поступках конкретных людей.

— Ну, какой ты есть рабочий парень, — кричит на Макарова электромонтер завода Сергей, — если ты за одной девахой шьешься, галстух прицепил, одеколоном мажешься и, как с работы пришел, сейчас же шасть к ней. Ты самый настоящий мешанин.

— Не я мещанин, а ты. Не я, а ты шесть месяцев партвзносы не платил. Это и есть мещанство.

— Ты на личности не ударяй, — кричит Афонька Егоров. — А вот что ты все жалованье тратишь на ухаживанья, так это факт.

— Куда деваю зарплату — это дело мое. А по-твоему, выходит, что комсомольцу нельзя за одной ухаживать? А кобелировать за несколькими сразу — это не мещанство?

— Мы сыны завода, — говорит Матвеев, — и должны поступать по-рабочему, а не бить под интеллигента. Брючки в складочку, галстух бантиком. Хвост на бок. Это и есть мещанство.

Чем дальше длится спор, тем более становится запутанным вопрос о том, что такое мещанство.

— Стой! Позовем Резникова. Пусть он скажет, как правильно определить мещанство и кто из нас прав. Хоть, может, не согласимся с ним, но пусть скажет.

— Валяй. Тащи его!

И вот я в центре спора, в качестве некоего субарбитра. Но я в спор не вмешиваюсь, а прошу продолжать в том же духе. Спор возобновляется с новой силой. Каждый теперь старается не только убедить противника, но и доказать свою правоту третьему — «беспристрастному лицу».

Крику больше. Порой говорят все вместе.

— И знаю, — говорит Григорьев, освобожденный культработник на заводе, — Резников скажет, что чисто одеваться с галстухом и духами не есть мещанство.

— А почему ты знаешь, что он скажет?

— Знаю. Так и в «Комсомольской правде» писали. Но мы Макарова не за галстух обвиняем. А за то, что он все свободное время ухаживанию отдает. Влюбился и теперь попал, словно в плен, к мещанству.

— Врешь, я все собрания посещаю, а вот Сережка с перевыборов удрал.

— Брось, знаем тебя. У тебя только возлюбленная на уме.

— А вы, вы как поступаете? Идете в сад и там с первой встречной вяжетесь. Это что, не мещанство?

— Ну, и что же, что вяжемся? Сегодня увязал, завтра забыл, и снова голова свободная для общественной нагрузки. А ты с кем увязался? С интеллигенткой?

— Ничего подобного. Она дочь рабочего, хотя кончила в этом году вторую ступень.

Спору не предвиделось конца.

— Что такое мещанство? Вот вы, ребята, газет не выписываете и не читаете. Что это — мещанство или не мещанство?

Соглашаются: мещанство.

— А коту под хвост духи наливать — это мещанство или не мещанство?

Все смеются. Афонька ругается.

— Мало ли что иногда бывает!

— А почему «бывает»? Потому, что забываешь о главном. Забываешь об общественных, о партийных, о классовых делах. Это и значит впадать в мещанство. Если Макаров все забыл ради своей любви, то это — мещанство. А сама по себе большая любовь к одной девушке, без «увязки» со многими, — очень хорошее дело.

Во все время спора молчавший Шмаков сидел с гитарою в руках. Теперь и он вмешался:

— Стой, стой, Резников. Вот, послушай!

Дернул нижнюю альтовую струну. Она жалобно заныла. Дернул верхнюю, басовую. Струна загудела.

— Слыхал? У каждой струны свои звук. У каждого человека свой характер. Кто за одной шьется, а кто со многими увязывает. Что кому: кому поп, кому попадья, а кому попова дочка.

Шишкарю Дроздову это сравнение не понравилось. Зато Макаров ухватился за это сравнение:

— Вот-вот! Каждая струна поет на свой звук. Все вместе дают хорошую музыку. А вы какофонию разводите. Потому что струны ваши не настроены. Надо подтянуть...

— Ну, это еще посмотрим, кого подтягивать-то надо! — заметили явно остывшие оппоненты Макарову.

Спор кончился на том, что нужна стройная классовая музыка. А любить одну и чисто одеваться никому не воспрещается. Решили, между прочим, немедленно выписать газету.

— Вот, — сказал Иванов, секретарь завкома, — начали с пустяков, а кончили по-серьезному. Хорошо, идри его в корень!

За каким чертом стоишь ты в очереди?

Международный день кооперации совпал с очень неприятным для местной кооперации явлением: когда я иду в пол-седьмого на работу, у лавки ЦРК стоит очередь в 200-300 челлвек. Когда мне сегодня, после работы, надо было выступить на общезаводском митинге о кооперации, я чувствовал себя не совсем ладно. Думал, забросают вопросами о хлебе. Но вот доклад кончился и ничего. Спокойно. Задают вопросы о международных делах кооперации, только одна баба какая-то истошно завопила, что вот-де и хлеба нет и ничего нет. Но ей резонно ответили:

— А муку твой мужик, небось, получал?..

Недавно на заводе рабочим выдавали муку по кооперативным книжкам.

Баба ответила, что муку получили.

— Так за коим же чертом ты стоишь в очереди?

Действительно! Мука есть у каждого. На заводе муку выдают по 20 килограмм в месяц. Но за хлебом становятся в бесконечные мучительные очереди. Муку прячут.

В хлебной очереди много и крестьян из соседней деревни Инюшки, прямо соприкасающейся с территорией завода. Мне рассказывал рабочий, что один из этих инюшенцев, стоя в очереди, говорил: «За такое дело надо бы лавку рубить». Но заводские ему ответили: «Смотри, дядя, как бы мы тебе прежде всего башку не разбили за такие слова». Обещание, очевидно, было серьезным, потому что инюшенец быстро ретировался, даже не дождавшись своей очереди.

Обождите до конца пятилетки

На завод пришла экскурсия красноармейцев. Обходила все цеха. В экскурсии были и командиры — младший комсостав. Один из них больше всего интересовался размером зарплаты. Он спрашивал почти у каждого рабочего: «А сколько вы получаете?». С этим вопросом он обратился и к Андрею Данилову, недавно демобилизованному красноармейцу. Данилов ответил на вопрос вопросом:

— А вы скоро демобилизуетесь?

— Служу последний год, — ответил командир.

— Так вот почему вас так интересует зарплата? Вот что я вам посоветую: послужите еще 4 года до конца пятилетки. Тогда как раз поспеете к значительному, на 75

процентов, повышению зарплаты. А пока зарплата невысока. Потерпите маленько и как раз поспеете.

Командир обиделся. Но ничего не ответил.

Алюминиевые пилюли против куренья

Сегодня у нас в общежитии только и разговоров, что о «договоре». Вот его содержание:

ДОГОВОР

Мы, нижеподписавшиеся, заключили настоящий договор в том, что мы с 7 часов 8 июля бросаем курить раз навсегда. Тот, кто нарушит договор и не то, что выкурит папиросу, а сделает хотя бы одну затяжку, тот подвергается наказанию: десять ложечных пилюль (ложки должны быть алюминиевые). Это в первый раз. Во второй раз порция удваивается, в третий — утраивается и т. д. Пилюли нарушителю дает Васька Шмаков, которому за ответственность порция, в случае если он сам закурит, удваивается.

Следуют 7 подписей.

Договор был заключен вчера. Смеху, шуток, разговоров — без конца. Сегодня Шурка Матвеев не выдержал, закурил. И сегодня же он получил пилюли. Брыкался, ругался, но свое получил. Били так усердно, что на десятой «пилюле» алюминиевая ложка сломалась.

Заслуженная любовь

Самое оживленное из добровольных обществ — это Автодор. Он недавно здесь организовался и в нем уже 80 членов, которые без волокиты внесли 80 руб. вступительных взносов. На собрания являются все.

Сегодня после работы было автодоровское собрание. Еще утром об этом говорили по цехам. Активности этого общества способствует еще и то, что окружной Автодор обещал дать бесплатно старый поломанный автомобиль. Сами, дескать, отремонтируете и будете ездить. Ждут теперь-не дождутся.

Вообще, интерес к автомобилю, к автомашине среди рабочих огромный. Несомненно, продукция Нижегородского автозавода не долго будет искать потребителя. Когда-то компания «Зингер» давала швейные машины в рассрочку на десять лет, в такую рассрочку автомобиль уже и сейчас купил бы каждый десятый рабочий.

Бедные Дудины

Отец и сын Дудины работают чернорабочими в литейном цехе. Зарабатывают они немного — не больше 100 руб. вдвоем. И все их считали заводской беднотой. Дудиным нравилось это положение, и они, особенно старик, всячески поддерживали это о себе мнение бесконечными жалобами на скудный свой заработок при большой семье. В школе с детей Дудина не брали никакой платы. Освободили их и от самообложения на ремонт школы. Больше того, член школьного совета Дюмин добился того, что Дудину оказали материальную помощь для покупки одежды детям. И вдруг... Ка-

кой скандал! Дудины покупают себе дом за 500 руб. и другой дом, на снос, за 300.

Первым это разузнал сам Дюмин. Он прибежал на заседание редколлегии в тот момент, когда мы выпускали очередной номер стенгазеты. От возмущения он не мог говорить, а только ругался. Предложили ему изложить все на бумаге. Он тут же составил заметку: «Бедные Дудины». Художник заметку иллюстрировал. Получилось забавно.

Теперь весь завод говорит о «богатых нищих» Дудиных. Все говорят и все злорадствуют. Дело в том, что старик Дудин слыл строгим моралистом. При всяком удобном и неудобном случае он поносил тех, кто стремится к собственности, кто не заботится об общем благе. А при приеме новых членов в профсоюз он строже всех допытывал принимаемого кандидата, нет ли у него собственного дома или хозяйства, и вообще он предлагал «воздерживаться». Если бы его слушались, то ни одного нового члена в профсоюз не приняли бы. У каждого он находил изъян. И вдруг… Вот так Дудин!

Всех поражает это невероятное лицемерие. Дудины сегодня — «притча во языцех». Сами Дудины взбешены выше всякой меры. Сын кричит о травле: его-де травят, так как все время выступал против. Старик, исчерпав все аргументы в свое оправдание, пытается оправдать себя так:

— Ну, что ж такое? Это — мое частное дело. Кто имеет полное право вмешиваться?

— Ах, вот как! — сразу вскрикивает несколько голосов.

Нет, если ты рабочий, то ты подчиняешься коллективу, и мы, коллектив должны свое мнение о тебе иметь.

— Это, брат, тебе не деревенское судаченье. Мы тебя и судить можем за такие поступки или ступай к черту из коллектива.

Не кури!

Сегодня Матвеев снова проштрафился. Уже вторично нарушил договор о некурении. Ему под общий хохот всыпали двойную порцию «пилюль» — 20 ударов алюминиевой ложкой. Матвеев вытерпел и потом предложил:

— Вот что, ребята, ударьте еще 30 раз, но освободите от обязательства не курить.

Предложение о выкупе не было принято:

— Мы все одно всыплем тебе 30, если закуришь.

Остальные, подписавшие договор, держатся крепко. Все время говорят о вреде куренья. Рассказывают тысячи случаев, свидетельствующих о том, как хорошо не курить. Утешаются.

Нам не надо прогульщиков

Утром в цеху, еще до начала работы, происходит такая сценка. Мастер Рыбаков говорит молодому парню:

— Вот что: ступай домой. У нас для тебя работы нет. Мы прогульщиков не держим.

— Так ведь я один раз только!

— Один раз, — передразнивает кто-то, — а сколько ты всего дней-то работаешь? Из шести дней один прогул. Катись колбасой!

Парень сразу понял, что дело его безнадежно, что не только мастер возмущен его прогулом, но все. И он от упрашивающего переходит к деланно-независимому тону:

— Ну и что ж? Я работу найду. Пойду в частную мастерскую. Там, может, 7 руб. в день заработаю.

— Что ж! Ну и катись к частнику. Не задерживайся! Там и прогулы устраивай.

Парень ушел под язвительные шутки и реплики. Чувствовал он себя, очевидно, не особенно хорошо. Придя в контору, он расплакался. Но его на работе не оставили.

С тех пор, как завод вступил в социалистическое соревнование, в котельном цехе не было ни одного прогула. Этим котельщики гордятся. Мудрено ли, что новичок, сделавший прогул, получил столь решительный отпор?

Характерный эпизод

По воскресеньям, когда я встречаюсь с друзьями, меня часто спрашивают, как рабочие относятся к этому или тому мероприятию. Я рассказываю и нередко вижу на лицах своих собеседников тень недоверия. Только тень, так, легкое сомнение.

Вчера один ответственный работник, расспросив меня об отношении рабочих к рвачеству, с большой тактичностью сказал:

— Конечно, рабочие против рвачества. Для них слово «рвачество» должно быть обидным, ибо они не могут допустить того, что, по их мнению, естественное желание заработать больше иные называют рвачеством.

Вы понимаете хитрость моего товарища? Он не мог поверить, он себе не представляет, что рабочий действительно против рвачества. Поэтому он допускает, что рабочие только против слова «рвачество», но не против рвачества по существу.

Специально для этого товарища (может быть, это пригодится другим) я расскажу следующий эпизод, свидетелем которого я сегодня был.

На заседании бюро ячейки принимали в партию Фому Кузнецова. Кандидатуру разобрали досконально. Уже готовы были голосовать. Но вот еще последний вопрос:

— А как насчет отношения к заработку: не наблюдается ли тенденции к рвачеству?

Так и было сказано: «тенденции».

Товарищи, работающие с Кузнецовым в литейной, дают справку, что работает он хорошо и на зарплату не ропщет. Фома просит слова: «Дайте, я сам поясню». И поясняет:

— Было это несколько времени назад. Дело шло к концу месяца. Подхожу я к мастеру тов. Роменскому. Он здесь, соврать не даст. И говорю: «Вот что, Роменский, я завтра не выйду на работу».

— Почему? — грозно спросил Роменский.

— Потому что, вижу, я много заработал. Уже 130 набралось, а еще три дня до первого числа. Работа попалась хорошая. Но много заработать — ведь это же рвачество. Я не знаю, как мне и быть.

— Нет, ты выходи на работу, — сказал Роменский, — а то прогул будет. Нехорошо. Выходи, я тебе такую работу дам, что ты больше 50 коп. в день не заработаешь.

Общий смех.

— Так я вышел из мучительного положения.

— Верно, Роменский?

— Правда, что же тут! — неохотно отозвался Роменский.

Рабочий не только против самого слова «рвачество». Заработать «слишком мно-

го», больше, чем может сейчас дать рабочее государство, считается зазорным. Это знают все рабочие. И случай это прекрасно это иллюстрирует.

О кинокартинах

В обеденные перерывы и по утрам, до начала работ, по цехам все собираются в круг и начинаются импровизированные беседы. О чем? О разных разностях. Очень часто беседы сбиваются на кино и вообще на зрелища. Иногда обсуждение какой-либо картины растягивается на несколько дней. Так, обсуждали пустую, в сущности, кинокомедию «Счастливые кольца». Ее видели почти все, так как она демонстрировалась в заводском клубе. Разговорам о ней не было конца. И все восхищались. Когда уже обо всем в картине было рассказано и переговорено, вспоминались еще упущенные детали: «А помнишь, как он (герой картины — молодой рабочий) Жоржику этому бисквит подает: «Кушайте, это — ваше!» Черт возьми, здорово!» И разговор начинается снова.

Почти неделю говорили об иллюзионисте-фокуснике Кио, выступавшем в саду «Свобода». И опять бесконечно восхищались.

О картине производства Киносибири «Конец Журавлихи» — самые разноречивые отзывы. Эту картину многие видели, так как ее сопровождал оркестр гармонистов. Отрицательное отношение к картине выразил бригадир Подоксенов.

— Уж больно в ней все подкрашено. Не колхоз, а малина. За обедом крестьян чуть не шампанским поят. Если бы на самом деле так было, то на кой черт надо было бы бороться за коллективизацию? Она сама возникла бы, как грибы после дождя. Все крестьяне сразу бросили бы свое хозяйство и пошли бы в коллектив. Нет, несправедливая картина!

Другие, наоборот, защищали:

— Так ведь картина-то агитационная! Не беда, если что и прикрашено. Это показано, как должно быть. Хорошая картина. А главное — гармонисты. Эх, как вдарили «Яблочко»! Хоть в пляс пускайся. Поджилки прыгают.

Особенно не понравилась рабочим нашумевшая картина «Арсенал» режиссера Довженко. Все плевались, шумно жалели потраченные деньги (20 коп.) и время (1 1/2 часа).

Я разговаривал со многими. Убеждал, доказывал, пояснял, что картина эта — замечательная, что в ней нет шаблона, что в ней выпукло показана основная идея борьбы украинских рабочих. Все напрасно. Приговор картине был единодушен: дрянь лядащая.

Но почему же? Колька Шустов ответил на этот вопрос так:

— Потому, что в ней никакого содержания нет. Ну, расскажи ее содержанье. Не расскажешь? Вот то-то!

Сюжет картины — это главное. Рабочий любит сам рассказать содержание виденного или послушать о картине от другого. А раз содержания нет, значит, картина никудышная.

— А цирк? Какое содержание в цирке, а ведь нравится тебе цирк?

— Ну, приравнял... нос до пальца. Так то же цирк. Там же представленье.

И мнение об «Арсенале» осталось непоколебленным.

Вторая тема этих утренних и обеденных бесед — воспоминания. Воспоминания,

главным образом, из эпохи гражданской войны. Рассказывают о своих приключениях многие, но главный рассказчик по этой части Рыбаков. Он провел всю гражданскую войну на фронте. Побывал почти во всех концах республики. И его рассказы интересны. Его и слушают охотнее всего. А рассказывать он может бесконечно. Никогда его повествование не оканчивается. Загудит сирена — он обрывает на полуслове, с тем чтобы завтра снова к этому вернуться или чтобы начать другой эпизод.

Я заметил, что слушателям больше всего нравятся эпизоды, в которых преодолевается какое-нибудь серьезное препятствие или когда какой-нибудь нерадивый комиссар или начальник остается в дураках. Это всегда вызывает смех, шутки и язвительные реплики. Вот один из таких рассказов Рыбакова. Передаю его в сокращенном виде.

КАК МЫ ПЕРЕХИТРИЛИ КОМИССАРА

— Было нас трое, и командировали нас с фронта в Харьков по срочному делу. Дотащились мы кое-как до Мелитополя. Здесь должны были сесть в поезд. А поезд битком набит. Уж на что мы хваткие ребята были, а и то ни в один вагон забиться не можем. Не то что троим — одному не пролезть! Что ты будешь делать? А ехать надо обязательно, хоть кровь с носа.

Обошли мы поезд кругом раз и два. Видим, в конце поезда прицеплен пассажирский вагон и в том вагоне только двое: комиссар какой-то и его, ну как бы сказать, денщик что ли.

— Денщиков у комиссаров не было, — вставил кто-то.

— Ну, вестовой — все одно. Смотрим мы на этот вагон, и слюнки у нас текут. Гляжу — комиссар выходит из вагона и в вокзал. Я и говорю своим: ребятки, лезем в вагон. А не будет ли чего? — спрашивают. — Лезем, — говорю, — все одно пропадать. Залезли. Разместились на полках, как полагается, и будто спим. Вот входит комиссар.

— Вы что? — спрашивает.

— А ничего, — отвечаем.

— То есть, как ничего? Зачем вы здесь?

— Затем, что ехать собираемся, так же, как и вы.

— Так! А кто вы такие?

Мы показали документы — красноармейцы такого-то полка, а я — в качестве политрука роты. Посмотрел он документы и говорит:

— Ну, вылезайте.

— Зачем, — говорю, — вылезать? Нам и здесь хорошо. (В цехе общий смех.)

— Нет, — говорит, — вылезайте, потому что я везу секретные документы.

— Ну и везите. Мы вам не мешаем.

— Вылезете вы или нет?

— Нет.

— Нет?

— Нет.

— Ну ладно.

И пошел. Пошел и приводит агента ЧК. Так и так, говорит, вот они нахально залезли в мой вагон, а у меня секретные документы, так и далее. Агент говорит: «Вылезайте, а то плохо будет».

— Ничего, — говорю, — мы плохого не боимся. На фронте всякое было: и плохое

и хорошее.

— Нет, — говорит, — это вам не фронт. Вылазь без всяких разговоров.

А мы и так разговаривать перестали. Но не вылезаем, а будто спим. Агент посмотрел-посмотрел и пошел. А комиссар наш бегает и ругается. Пойду, говорит, приведу начальника орточека. Он вас выселит, да еще и посадит в подвал.

— Валяй, браток, хлопочи, а мы поспим пока, — говорю я.

Вот проходит минут десять, является наш комиссар с начальником орточека.

— Вы что? — грозно спрашивает начальник.

— А мы: так и так — по делу. Сесть негде, вот мы и залезли сюда.

— Ну, а вы чего? — спрашивает начальник комиссара.

— Помилуйте, у меня секретные документы.

— Ну так что ж! Вот вам и охрана для документов. Ведь это ж красноармейцы, да еще политрук один. Чего ж вам еще надо? Занятых людей только по пустякам беспокоите!

Подмигнул нам начальник: «Не робь, мол, товарищи. Не поддавайся панике!» И пошел.

А комиссар пуще прежнего сердится, ругается. «Не могу, — говорит, — я так ехать. Пойду скажу, чтобы отцепили вагон. Эй вы, слышите? Вагон не пойдет. Сейчас его отцепят».

— Ну не пойдет — не надо. Мы в нем и переночуем до следующего поезда.

Побежал куда-то комиссар. Приходит с кондуктором.

— Вагон, — говорит кондуктор, — сейчас отцепляется.

— Валяй, отцепливай. Мы не возражаем. (Смех).

Лежим, а сами прислушиваемся: не стучат ли прицепки. Нет, ничего. Проходит полчаса. Паровоз дает гудок, и мы поехали. Поехали, значит, а комиссар со своим вестовым расположились ужинать. Разложили всякой всячины. Тут тебе и ветчина, и сало, и масло, и колбаса. (Реплика: «Это секретные документы, значит?» Смех.)

— Да. А мы целый день не жравши. Был хлеб, но еще с вечера съели. Лежим мы, сверху поглядываем, а у самих глаза бегают и в животе урчит.

Ну, разложили они все, заварили чай в чайнике. Кипяток на станции еще принесли. Вот комиссар — дерг меня за полу.

— Эй, товарищ политрук, слезай с нами ужинать.

— Нет, спасибо... Мы того...

— Иди, не стесняйся, чего там.

— Ладно, — говорю, — мы ничего, народ без стеснения. Слезай, говорю, товарищи, раз угощают, неудобно отказываться. Как бы, говорю, не обиделись. (Смех.) Ну, он поморщился, потому что приглашал он меня одного, а слезли мы втроем. Ну, ничего, угощает всех. Взялись мы за ветчину, да за сало, аж челюсти трещат...

Так и доехали мы до Харькова. Попрощались за ручку. Спасибо, говорит, за компанию.

— Не стоит благодарности, — отвечаю.

Пошли мы.

— Ну и дурак же комиссар попался, — говорят мои товарищи.

Клуб вне клуба

Рассказ о комиссаре-дураке как будто бы окончен Но повествование Рыбакова продолжается: рассказывает дальше о Харькове, о том, как вернулся и что застал на фронте. Во всех этих обыденных делах он находит интересные эпизоды и драматически повествует о делах минувших дней.

«Поют потехи бранные, дела былых времен:

И взятие Казани, и Астрахани плен».

Ради рассказов этих, ради бесед, рабочие утром приходят не меньше, чем за полчаса, а то и за час раньше гудка. В обед никуда не расходятся. Это — подлинный клуб.

Обеденные перерывы у нас почти не используются. А если занимаются чем-либо, то обязательно начинают с доклада. Докладчик обычно со стороны. Он чувствует себя каким-то чужим. Да и относятся к нему с холодком. Иной докладчик пока разойдется, пока попадет на живую струнку, а тут гудок. Расходись! Профсоюзники же, которые должны быть «своими людьми», на завод не приходят. Их не видно. У них свои дела, у рабочих — свои. И бегут они рядом, как рельсы железнодорожного пути, сходясь и пересекаясь лишь на стрелках отдаленных станций.

Оправдание сентиментальности

Ячейка снова забила тревогу о состоянии интенсивности труда на заводе и о качестве выпускаемой продукции. Не то что интенсивность труда падает. Ячейка бьет тревогу потому, что интенсивность труда не растет и, по многим данным, она далека от мыслимого предела. Причиной тревоги послужила и заметка в «Советской Сибири» о плохом качестве продукции завода «Труд». Сегодня общее собрание ячейки посвящено этому вопросу

Докладчик — директор подтвердил, что заметка в «Сов. Сибири» на все сто процентов правильна:

— Правда, факты, о которых сообщается в заметке, нам были известны, но заметка заставила обратить на них должное внимание.

Я почти умилился такому признанию. Читатель, надеюсь, простит мне мою сентиментальность, если вспомнит, что я по профессии — газетчик, и что за многие годы самокритики, в порядке кампании и без таковой, газетчикам очень и очень редко приходится слышать такие признания от тех, кого они разоблачают. Это настоящая редкость.

Кто виноват?

В жарких прениях по этому докладу сразу наметился спор: кто виноват — администрация или рабочие? Спор не носил характера препирательства между администрацией и рабочими. Сами рабочие — партийные и беспартийные — приводили примеры. Началось взаиморазоблачение и саморазоблачение.

Администрация виновата в том, что она не поощряет улучшения в производстве и наибольшую интенсивность. Наоборот, она торопится со снижением расценок. Как только повышается интенсивность, тотчас же расценки снижены, да так, что надо еще больше нажимать, чтобы достигнуть прежнего заработка. Кто-то даже предложил установить твердые расценки на срок не меньше полгода. Тогда-то рабочие и покажут

интенсивность. Но это предложение было отвергнуто. Как можно установить твердые расценки? А механизация? Мы будем заменять ручной труд машиной, а расценки будут старыми. Нет, это не подходит.

Второй грех администрации, по мнению многих, состоит в том, что она слишком полагается на сознательность. Администрация не должна на это рассчитывать. Она должна воздействовать административно. Карать разгильдяев и подхлестывать сознательных.

Это вызвало возражения: на полке далеко не уедешь! Надо бить на сознательность.

— Так ведь сознательность-то тоже кнута требует. Трудно быть сознательным, когда тебя никто не подхлестывает.

— Как никто? А социалистическое соревнование, а пятилетка?

Сошлись на том, что администрация должна действовать по такому правилу: на сознательность надейся, а сам не плошай.

Характерный момент: администрация стояла на той точке зрения, что главное — сознательность, а многие рабочие на той, что главное — хороший административный кнут.

— В плохом качестве продукции виноваты прежде всего рабочие, — говорили выступавшие. — И страдают от плохого качества работы сами же рабочие. Вот, к примеру, выделка какого-нибудь предмета... Проходит она через несколько рук. Один что-нибудь напортачит, а у другого лишнее время и труд тратятся. В конечном счете снижается качество готового продукта! Вот, скажем, сливко-созревательные ванные. В «Советской Сибири» отмечалось, что они имеют качественные дефекты. Это верно. А вот в процессе производства сгибальщики плохо, не по шаблону, гнут треугольники, а сборщикам приходится за это расплачиваться лишним трудом, чтобы подогнать к месту. От промаха и невнимательности сборщиков, в свою очередь, страдают клепальщики. Затем страдают медники, лудильщики и т. д. по всей линии производства. Вот так и во всем, не только в ваннах.

Над чем смеются лошади

Плохое качество бьет и по потребителю, и по администрации, и по рабочим. Но качество работы все-таки плохое. Почему? Нет культуры труда, нет привычки работать хорошо, на совесть. Привыкли по-деревенски: тяп да ляп — авось сойдет. «Авоська» этот дорого стоит. Вот пример. Взялись сделать котел на мельницу. Котловое железо — сугубо дефицитное, еле достали. И вот дали сверлить дыры для заклепок трем котельщикам. Они, по недосмотру, просверлили на одном боку дырки по полдюйма в диаметре, на другом боку диаметр — в пять восьмых дюйма. Железо почти испорчено. Хорошо еще старый котельщик Лембик берется дело исправить.

— Почему вы допустили такую ошибку? — спрашивают сверлильщиков.

— Ошиблись, недосмотрели.

Сверлильщики недосмотрели, а возчик, перевозивший железо из механического в котельный цех, заметил:

— Что же это, — сказал он, — на одном боку дырки как будто поменьше, а на другом — больше? Мало того: линия дырок не ровна, а изогнута, хотя разметка была совершенно равная.

— Товарищи, не только что возчик, а лошадь, возившая железо, хохотала над ко-

тельщиками. Истинная правда, не вру. Спросите любого.

Среди рабочих есть еще и любители напасть на тех, кто налегает на работу. Об этом говорилось сегодня на собрании.

— Стал я нажимать, — рассказывает Орлов, — на работу, а мне кричат: «Куда прешь, работа дураков любит!»

— Ну, а ты сдрейфил?

— Ничего не сдрейфил. Ответил, что работа совесть любит, а вот дураки работу не любят.

Били и бить будем

Как гром с ясного неба грянула весть о захвате китайскими генералами КВЖД.

Как только размножили и развесили по цехам телеграмму, отношение к событиям сразу стало в плоскость вопроса: будем воевать или не будем? Большинство склонялось к тому, что воевать не будем.

Надо откупиться любой ценой, лишь бы не срывать план строительства. Что такое какая-нибудь несчастная Китайско-Восточная дорога, да и то наполовину не наша, против пятилетки? Неужели жертвовать пятилеткой ради дороги?

— С другой стороны, и уступать нельзя. Раз уступим, другой уступим, а там и на голову сядут.

— Нет, воевать будем, ежели они не уйдут и не извинятся. Что такое для нас какой-нибудь китайский генерал? Две дивизии пустим, от них дым только останется.

— Факт! Их хватит нам только до обеда, а после обеда и делать будет нечего.

— Да с ними-то делать нечего будет. А разве они будут одни? А Англия? А Польша? Только ввяжись.

Единым голосом решили, что воевать надо и будем воевать, если китайские захватчики не вернут дорогу и не извинятся. Чтобы обязательно извинились и чтобы во всех странах узнали об этом. Два часа, оставшиеся от получения телеграммы до гудка, работали плохо. Больше разговаривали и спорили о возможности и характере войны с китайскими генералами.

— И куда эти проклятые белогвардейцы лезут? (Телеграмма сообщала, что русские белогвардейцы готовятся воевать на стороне Китая.) Мало мы их били, что ли? Вот вредный элемент!

На митинге, состоявшемся после работы на заводском дворе, когда принимали резолюцию, в конце сделали приписку: «Что же касается трижды битых русских белогвардейцев, которые зашевелились в связи с захватом КВЖД, то мы их били и бить будем. Пусть только сунутся».

В следующие дни томительно было ожидание новых вестей о событиях на КВЖД. От этого злоба на врага только усиливалась.

Сегодня я встретил в городе, на проспекте, Дюмина. Он ходил за центральными газетами, чтобы узнать «подробности из первоисточника», как он говорит.

— Так чего же ты ждешь? Купил и ладно.

— Купить-то купил, да, говорят, через два часа прибудут свежие газеты. Вот я и поджидаю. А то в «Советской Сибири» слишком узко пишут.

Что именно Дюмин понимает под словом «узко» — мне некогда было расспрашивать.

«СИБИРСКИЕ ОГНИ», №1, 1929 г.

Н. ЧЕРТОВА

Заводские будни
(Очерки на бегу*)

«...Чугунолитейный и механический завод «Труд» расположен в городе Новосибирске, в Закаменской части, в квартале 57-м на окраине города, в 300 метрах от реки Оби.

Завод «Труд» имеет в своем составе два основных цеха.. Литейный, состоящий из отделений — модельного, чугунолитейного, меднолитейного и сушильного. И механический, состоящий из отделений — товарного, слесарно-сборочного, инструментального и кузнечного.

Силовая станция имеет отделения — котельное и машинное.

Завод является, по преимуществу, ремонтным, обслуживая промышленные и коммунальные предприятия гор. Новосибирска».

(Из объяснительной записки к отчету завода за 1927-28 г.).

** Редакция газеты «Советская Сибирь» послала автора, как своего инструктора, на завод «Труд» с заданием: «Подобрать рабкоровский актив, обучить его газетной грамоте и вообще наладить стенгазету». записи эти велись в процессе работы и предназначались для «внутриредакционного потребления». Автор, конечно, не работал над художественным оформлением записей. Работа его, однако, получилась настолько интересной, что редакция «Сибирских огней» предложила напечатать ее .*

ДИСКУССИЯ У СТЕНГАЗЕТЫ

Автобус доходит до ворот завода. Небольшие облупленные корпуса чередуются с новыми — деревянными. Здесь работают триста металлистов единственного в Новосибирске чугунолитейного завода.

...Сегодня делали стенгазету. Начали вывешивать заметки во время обеденного перерыва. Пока пришпиливали первую заметку (очень медленно пришпиливали: кнопки туго входят в фанеру), рабочие читали хором заголовки:

— Что важнее...

— ...свой дом...

— ...или жилкооператив?

Так поставил вопрос партиец Васильев на одном из собраний заводской ячейки. «Свой дом удобнее иметь: у него есть и амбарчик, и кладовая, и погреб. В жилкооперации таких удобств нет. Вы устройте сначала жилкооперативы, как следует быть, тогда рабочего и приглашайте». «Кто это вы и кто мы, т. Васильев? — язвительно спрашивала редколлегия в гонце заметки.

*) Редакция газеты «Советская Сибирь» послала автора, как своего инструктора, на завод «Труд» с заданием: «Подобрать рабкоровский актив, обучить его газетной грамоте и вообще наладить стенгазету». Записи эти велись в процессе работы и предназначались для «внутриредакционного потребления». Автор, конечно, не работал над художественным оформлением записей. Работа его, однако, получилась настолько интересной, что редакция «Сибирских огней» предложила напечатать ее в настоящем номере.

Текст читали из-под рук. Рассматривали карикатуры — покосившийся собственный «особняк» и дом жилкооператива. Заметка взволновала.

— На кой его, свой дом-то? Налоги задушат...

— А в кооперативе — тоже: паи, да на отопление монету гони, да квартплата...

— Ну, чего ты: и не так уж дорого. Со своим-то домом — хуже кабала...

В красном уголке старик-рабочий Дюмин поднял бузу:

— Поджечь спичкой ваши жилкооперативы! Согнать туда всех строителей и запалить, чтобы они сгорели! Меня этот жилкооператив собственником сделал: купил барачок, теперь пять месяцев в рассрочку буду выплачивать... куда ни шло! Мои деньги не пропадут. Хоть я сгорит, пущай: мое!

Вокруг Дюмина и Ложкина (секретаря партячейки) собралась тесная кучка рабочих.

— Был я на праздниках у товарища в гостях: холод! Ноги озябли! — горячился Дюмин. — Какое это житье!

— На будущий год отштукатурим, — вставил Ложкин. — Нельзя же все сразу. Мы не так уж богаты.

— Вы попробуйте, сколотите из двух досок сарайчик, да и загоните туда людей: живите, мол, на будущий год отштукатурим! Ведь не скоты!.. Вон, Госбанк построил домик каменный, красота! Да и платят: по семьдесят рубликов за квартиру...

— Они — побогаче... Ведь кто там живет?

— Кто? Инженеры! А мне куда?.. Я сам седьмой, семьища. Портки не на што купить — очереди дожидаются... Сколько за нее, за квартиру-то: паевые, да квартплата, да услуги... Двадцать-тридцать рубликов набежит?

— Набежит...

— Ну, уж это за большую квартиру...

— С моей семьей в маленькую не влезешь. Это у кого карман набитый, вон как у Лидера (рабочий, член редколлегии): сам работает и семьи — одна жена... вот кому там и жить.

— А ты напиши об этом в стенгазету.

— Чего писать-то? Писали! Во всех газетах звон идет. Или не видите сами, что полы в домах худые? Из какого дерева дома строятся?

— Напиши-ка об этом предложение новому горсовету, — сунул ему т. Ложкин чистый листок с надписью «Горсовет, прочти, запомни».

— Этого листка мне мало, не упишу, — смягчился Дюмин.

Под общий смех ему вручили целую стопку бумаги. Собирается написать много. На прощанье (перерыв кончился) Дюмин внес два предложения:

1. На волнующие темы (жилкооперация, о кинокартинах, «кто более развит: мужчина или женщина» и т. д.) организовать летучие собеседования, хотя бы в обеденный перерыв, не дожидаясь постановки специального доклада.

2. Организовать литературный кружок, на который давно есть требования от рабочих, а культкомиссия не идет навстречу.

Заметка «Шинкари вредят производству» (об отсутствии трудовой дисциплины) имела немедленный и неожиданный результат: мастер Егоров стал ворчать по поводу того, что цех «в газете протянули». Один из учеников над ним посмеялся. Мастер схватил ученика за горло. Об этом происшествии немедленно донесли редколлегии. Мы смастерили и вывесили заметку: «Афоня зарвался».

...Объявилось целых шесть парией, выразивших желание рисовать в стенгазете (а ячейка жаловалась, что у них нет художника!). Парни эти просят, чтобы их немножко «подучили». Возникла мысль о «кружке художников». Им мог бы руководить т. Ивакин — самоучка-карикатурист, которого я притащила с собой на завод.

— Когда будет первый урок? — нетерпеливо спрашивают парни.

Карикатура играет в стенгазете колоссальную роль. Из-за отсутствия карикатур гибнут десятки стенгазет. Почему не уделят сюда «чуточку внимания» наши новосибирские художники? Обучить людей, создать тип низовика-карикатуриста для стенной газеты — ведь это благодарная задача!

Готовим щит с крупным заголовком: «Мы начинаем производственный смотр литейного цеха...». Один молодой литейщик на нашу просьбу написать в газету раздраженно махнул рукой:

— Писали много, толку мало. Не буду.

Другой парень из обручного цеха настойчиво спрашивал нас:

— Когда будет смотр обрубочного цеха? Вентиляции нет, пылища. Ребята работают молодые. Надышатся, харкнут — чистая земля!

БУЗА НАЧИНАЕТСЯ

30 декабря. Начали производственный смотр литейного цеха. Щит с первыми пятью заметками вывесили в цехе.

Обсуждали, как быстрее и глубже нам раскачать литейщиков.

— Вот, Бахарева разве привлечь? Хороший парень. Да ведь его не уломаешь. Боится.

— Как боится?

— Много бузы со стенгазетой, — говорит Лидер, — со всех сторон щиплют: и администрация, и бюро ячейки, и мастера, и свой брат... Натерпишься. Это ведь я один верчусь — уж куда меня не таскали... придирались... выговоры выносили. А я все свое: пишу.

Бахарева все-таки позвали. Пришли и еще два-три литейщика. Молодые. Прежде чем начать говорить, все оглядывались на дверь. Я дверь затворила. Тогда сбились тесным кольцом и — посыпались жалобы.

У парней болит сердце за производство. Бахарев вчера отлил поршень — брак. Это его огорчило.

— Тов. Роменский, — обратился он к мастеру, — разбей поршень! Хочу знать, чья вина в браке — моя или техническая?

Роменский мудро промолчал, и поршень выбросили целехоньким.

— Своими-то мыслями... Эх! все бы переделал... Да ведь один в поле не воин. И молчишь... — говорит Бахарев.

В модельном цехе и у шишкарей — безобразие. Модели делаются, как бог на душу положит (в самый критический момент модель оказывается неподходящей, ее несут переделывать, благодаря чему приходится переплачивать за вынужденный простой литейщику). Шишки делаются небрежно, низкого качества, лопнувшие шишки замазываются глиной, что и обнаруживается во время литья труб.

Так говорят рабочие.

— Сейчас напишем про все и вывесим, — говорим мы рабочим.

— Пишите.

— И у администрации ответа добьемся на все предложения.

— Вот это здорово! Давно пора.

— Будет заваруха! Переругаются все!

— Тем лучше. Если надо будет, мы собрание литейщиков соберем. Пусть скажут, чего наболело.

— И скажем. Разве молчать будем?

Ушли в боевом настроении. Завтра ожидаем больших разговоров.

Материал начинает поступать на лету.

Время неблагоприятное: предпраздничное. Обеденного перерыва нет второй день.

На праздники молодежь вся поголовно собирается ехать на лыжах. Говорят: «скульно!»

ЖАРА

31 декабря. Сегодня праздник, но завод работает: воскресник. С утра Лидер и Велигур (работница-художница) вдвоем рисовали большой плакат:

— Сегодняшние симулянты: Бахарев, Кузнецов *(следует ряд фамилий)* работают против вчерашнего только на 30 проц., сознательно срывают воскресник.

— А Бахарев мне показался хорошим парнем? — спрашиваю я.

— Он — ничего, — улыбнулся Лидер. — Ошибки у всякого бывают.

На длинном столе лежал ворох корреспонденции.

— Завалили, — весело крикнул Лидер, отрываясь от плаката: литейщики пишут. Жара!

Лихорадочным темпом (до шабаша оставалось только три часа) «художники», машинистка, с великим трудом отвоеванная у конторы, и трое «редакторов» — Лидер, Зубчук (служащий конторы) и я — проработали два часа и потащили стопку материалов в цех.

Литейный цех — пыльная и темная дыра. Буквально из земли поднялись грязные люди и обступили нас плотной кучей. Лидер, довольно улыбаясь, приклеивал заметки.

Большой плакат о симулянтах вызвал настоящий взрыв.

— Какие мы симулянты? — взволнованно кричал молодой формовщик Кузнецов. — Вчера сделали три шкива и сегодня три шкива!

— А ты напиши опровержение.

— И напишу! Сейчас же!

— А мы сейчас же напечатаем.

Через две минуты Кузнецов сунул мне:

ОПРОВЕРЖЕНИЕ

Я, Кузнецов, и Гридневский, сегодня работаем, как и вчера. 3 шкива за вчерашний день и 3 за сегодняшний день. Откуда же мы симулянты?

Кузнецов. Гридневский.

Оно было немедленно напечатано.

Тогда в редколлегию явился Бахарев. Сначала он сообщил (все тем же тихим голосом!) ценный материал о браке в литейном, потом спокойно попросил бумаги и карандаш «для опровержения».

— Ложь это. Вчера я работал на пару с Нарыжновым и сделали два монитора.

А нынче — один работал и сделал один монитор. Вчера ведь для себя (сдельно) делал и то больше не мог.

Много заметок прошло о мастере Роменском. Скоро у нас в редколлегии появился новый человек. Он уселся за шахматный столик и с трудом вывел несколько строк о том, что он действительно опоздал на работу, но не на час, а на 20 минут. Это был мастер Роменский.

Материал поступает беспрерывно.

Лидер ушел в цех. В комнату ввалилась куча подростков:

— Где Лидер?

— Сейчас придет.

Ребята замялись. Один говорит тихо:

— Ей тоже можно отдать.

Про меня. Чувствую: ставка на доверие.

— У вас заметка? — спрашиваю храбро.

Парень нерешительно кивает головой и долго копается в кармане. Подает:

— Разберете? Больно уж пишу-то я...

Читаем вместе, вслух, причем иногда становимся в тупик перед каракулями, оба, я и автор.

Дело идет об ученике шишкарной Мите Гугнине, которого мы только что «вывесили» за мат, похабные анекдоты («а у нас работает одна женщина и нужно бы воздерживаться», — было сказано в заметке) и халатное отношение к производству. Оказывается, Гугнин вчера в клубе, во время киносеанса, стащил у товарища... перчатки.

— А это доказано?

— Доказано, — вспыхивает парень, — он не сознавался сначала, а потом отдал назад. Сережка! Свидетелем можешь быть?

— Конечно.

ЛЮДИ И ПЛАН...

2 января. Конечно, самое худшее — это взвинтить настроение, поставить работу на боевой лад, создать спешку, увлечение, прилив, после которого неизбежно наступит отлив и будни.

Поэтому сегодня мы решили создать нечто вроде стенгазетного актива.

Вечером собралась порядочная группа. Двое товарищей пришли даже за счет посещения партшколы (это уж нехорошо!). Лидер «присутствовал» одновременно на бюро ячейки и у нас, т. е. метался из одной комнаты в другую.

— Товарищи! — открыла я беседу, — мы сознательно не созывали никаких заседаний до выпуска газеты. Мы решили сначала на деле расшевелить людей, а потом уже подвести итоги и начать плановую работу.

— Правильно!

— Мы, работники «Сов. Сибири», пробудем здесь еще неделю. Нужно за эту неделю сколотить актив вокруг газеты, научить его, как живее, чаще и интереснее выпускать газету. Так, чтобы после нас остались ощутительные следы, чтобы не случалось в стенгазете перебоев.

Общими усилиями составили список активистов. Кроме пяти членов редколлегии, записались восемь добровольцев, из которых трое — художники.

— А мне можно писать? — робко опросил кто-то из угла. Все оглянулись. Говорил мастер Роменский.

— Куда ты? В редколлегию? — не понял Лидер.

— Нет, зачем... Писать, я спрашиваю. Куда мне в редколлегию? Я ведь

**) Мастер Роменский — рабочий-выдвиженец.*

администратор...*).

— Ну и что же? А писать — пиши.

— Пиши, Роменский.

— Ты ведь в школу ходишь? Так тебе здесь вторая школа будет.

Большинство активистов работает в утреннюю смену. Решили делать стенную вечером, общими силами: «художники» будут учиться рисовать, под руководством т. Иважива (по конкурсной системе: карикатуру на одну тему выдумывает и рисует каждый; лучшую — помещаем), «редактора» — править заметки, давать заголовки, наклеивать на щит — под моим руководством.

В заключение я провела беседу, с наглядными примерами, на свежей стенгазете (нашего выпуска).

Интерес был большой. Когда кто-нибудь свежий шумно врывался в комнату, на него дружно шикали и усаживали на стул — слушать.

— Чем у нас стенгазета была плохая? Бледная! Ни одной карикатуры, ни одного яркого заголовка. Проходишь мимо нее, как мимо станка, не замечаешь: обыденная вещь. А вот пионеры вывесили свою стенную, с рисунками, и — сразу около нее толпа.

— У редколлегии нет почтовых ящиков. Это безобразно. Многие не знают членов редколлегии в лицо, а иногда просто не хотят лично отдавать... ведь всяких у нас из 300 человек наберешь: который боится с завода вылететь, который с предрассудками — богу большим крестом молится. А глядишь, у другого серьезная мысль есть, да не напишет.

— Нужно в строгом секрете подпись рабкора хранить. Я в прошлый раз заметил: валяются заметки на столе, всякий подходит и смотрит на подпись. Потом скандал затевают: «ты про меня написал, а ты про меня...».

— Машинистку надо свою иметь. Казенная-то она хорошо стучит, но после разводит сплетни, кто про кого написал.

Девушка-работница Велигур немножко печатает на машинке. Поручили ей «подучиться в обязательном порядке».

В ответ на наш щит «Кто и как проведет праздники» получили интересную заметку: «Как мы праздновали праздники»:

«Кто мы? Мы! Физкультурники праздновали праздник рождества вместе с сельской молодежью».

25 физкультурников, из них 6 девушек (рабочие завода «Труд» и лесозавода) в праздничные дни прокатились на лыжах до дер. Договушки (15 верст) и провели там в течение суток: 1) лыжный пробег совместно с деревенской молодежью, 2) стрельбу из малокалиберной винтовки, причем в виде премии лучшим лыжникам и стрелкам выдавались книжки «Враг ли рабочий крестьянину?» и «Комсомол в деревне», 3) выяснили, что комсомольская ячейка слабо работает, 4) что в сельсовете есть кулаки и почти никакой предвыборной работы не ведется, 5) провели информационный доклад о перевыборах советов, 6) показали физкультурные игры, 7) провели вечер самодеятельности.

Сельская молодежь сначала держалась недоверчиво, но расставались, «как братья», и «просили приезжать почаще».

НЕ ВЕРЬТЕ БУМАЖНЫМ ОТЧЕТАМ

3 января. С утра говорила с тов. Ложкиным (секретарем партячейки) о смотровой стенгазете. Он передал мне предложение от рабочих:

— Побольше серьезного, производственного материала, поменьше мелочей.

Правильно. На «вентиляторах» и на личном «поддергивании» мы смотра не сделаем. Нужно было, собственно, начать с коренных вопросов: рационализация, себестоимость. Эту ошибку мы учтем при смотре следующего цеха. Сейчас же надо исправлять линию.

Взяли курс на предложения и ответы администрации. Провели собеседование с мастером литейного цеха Роменским и зав. производством В. М. Глотовым. Заставил их прочесть оба щита и ответить на все заметки.

Конечно, оба «опровергали» все.

Глотов небезынтересно обосновал большой процент брака в литье:

— Завод не обеспечен даже элементарными техническими приспособлениями, особенно в литейном цехе. Так, нет возможности проверять лабораторным путем качество чугуна, получаемого с Гурьевского завода. Приходится принимать сырье «на глаз», сплошь и рядом чугун оказывается засоренным вредными для литья минеральными примесями. Отсюда и брак.

Массового, стандартного производства собственных фабрикатов завод не имеет, он является, по преимуществу, ремонтным предприятием. Все построено на случайных заказах, на исправлении уже готовых, но сломавшихся частей машин. Отсюда — трудные условия для повышения квалификации: случайность и крайнее разнообразие работ.

Рабочие завода — сплошь низкой квалификации. В связи с расширением завода набрано много новых, неопытных рабочих, вчерашних крестьян. В литейном цехе всего 5 квалифицированных литейщиков. Приходится ответственную работу давать рабочим низкой квалификации. В результате — большой процент брака.

Роменский жаловался на «слабое» отношение рабочих к производству.

— Меня плохо слушают: «свой» парень, мол, из рабочих. Не боятся. Ты ему говоришь, а он — глаза в сторону.

Беседу тотчас отпечатали и вывесили на щит. Мастера остались довольны:

— Вот и всегда нужно так: высказывались бы обе стороны, наравне, и рабочие и мастера. Так скорее добьемся результатов.

Получила на руки объемистую «объяснительную записку к отчету завода за 1927-28 операционный год».

Море доводов и цифр.

Объемистая тетрадь, написанная главбухом, содержит в себе стройные ряды цифр, приличные выводы, гладкие мотивировки. Подозрительно и напряженно всматриваюсь в эти громады цифр:

— Ну что, хорошо написано? — смеется Ложкин, — вокруг да около, вокруг да около?

У Ложкина широкое, толстое лицо, веко над левым глазом подергивается: тик.

— Да, хорошо написано...

Все необходимые мероприятия по охране труда не проводятся из-за ветхости завода, требующего капитальных затрат.

Литейщики изобрели горькую поговорку о том, что «литейный цех производит инвалидов». На всех совещаниях, заседаниях по какому бы то ни было вопросу поднимается настоящий стон о губительной тесноте в цехах, об отсутствии элементарнейших производственных «удобств», о несчастных случаях, где личная вина рабочего так тесно переплетается с техническими «обстоятельствами», что не разберешь, где кончается одно и начинается другое.

— Гнилой завод, его надо переоборудовать до последней гайки, — говорят рабочие. То же говорит администрация.

Новые корпуса, единицы новых машин, два-три новых станка — все это свежие заплаты на старом полотне.

Так живет — скрипит единственный в Новосибирске металлургический завод с тремя сотнями рабочих!

Но главный огонь моих подозрений направлен на цифру 11,2 проц.

11,2 проц. снижения себестоимости тонны чугунного литья! 24 р. и 70 коп. экономии на каждой тонне!

Какие колоссальные успехи! **11,2 проц.** — цифра эта заняла почетное место в докладе ОКВКП(б), в разделе «Достижения».

— За прошлый год, т. е. 1927-28, никакого снижения себестоимости на чугунное литье нет, — неожиданно читаю в корреспонденции конторщика (фамилию я его принуждена скрыть).

— Как нет? А цифра — 11,2 проц.?

— Дело вот в чем, — объясняет мне конторщик: — **В отчетном докладе** тонна литья **должна стоить** не больше 195 р. 64 коп., — так поставил вопрос главбух. Когда высчитали, оказалось: **на самом деле** тонна литья стоит 221 рубль, т. е. на один рубль **дороже**, чем в прошлом году. Но, ты понимаешь, **для отчета** тонна **должна стоить** 195 руб. 64 коп. Далее следует простое арифметическое действие: сколько вылито тонн? Столько-то. 195 р. 64 к. помножить... и т. д. Но цифры есть цифры. В результате арифметических действий у нас получился незаконный «хвостик» в 19.000 руб. Куда его девать? — спрашивают главбуха. — «Спишите на другой цех...».

Тонна **должна стоить!**

Вот оно угодливое чиновничье сердце, вот он безмолвный арифмометр, чиркающий в умелых руках бухгалтера!

Именно отсюда этот скромный и солидный пункт об «отсутствии лица, разрабатывающего и осуществляющего рационализацию на заводе».

Зачем оно, специальное «лицо для рационализации», когда и без него в фанерных кабинетах конторы завода «Труд» успешно «снижается» себестоимость?..

Сколько милой бухгалтерской беспечности заключено в этой цифре 11,2 проц. (обскакавшей даже 7 проц. — задание. ЦК) и какал легкость руки!

Не об эту ли легкость рук, и умов разбиваются наши усилия, планы, предложения о действительном снижении себестоимости?

«Браковка изделий по некоторым заказам хотя и имела место, но после

некоторых исправлений и переделок заказы сдавались» — читаю скромное заключение.

— Хитро! — вскрикивает конторщик. — Это они про литье вчерне, в литейном цехе! А ты спроси: сколько браку в механическом? До сего дня, покопайся, валяется этот брак в цехе.

«Простоев, в особенности из-за материалов, не было», — твердо заявляет «объяснительная записка». Конечно, завод в целом еще не стоял. Но литейный цех (основной в заводе!) стоит чуть ли не каждый день по разнообразнейшим причинам: то холодно, то гаснет свет, то плохо горит свет... Час, два, три часа простоя... Говорят, эти часы нигде не фиксируются, хоть за них и... выплачивается определенная сумма рабочим, которые, конечно, никак не виноваты в вынужденном безделье.

Кстати, о конторе:

— Настоящий состав конторы работает для того, чтобы получать зарплату. Никто делом учета и его упорядочения не интересуется, — пишут нам в стенгазету, — весь учет поставлен из рук вон плохо, а контроля совершенно нет. Если и делается что, так не для завода, а для «дяди» окрОМХа, которому что ни дашь, все хорошо...

— Плохо, у нас с конторой, — жалуется Ложкин, — коммунистическая прослойка слаба. Все время добиваемся, чтобы почистили.

...На воротах завода висит афиша Сибгосоперы о концерте в местном клубе. В углу афиши лозунг — «Артисты Госоперы, в рабочие массы». Рабочие по этому поводу говорят:

— Когда собрались разогнать оперу, — опера к нам приехала.

В обеденный перерыв слушали радиопередачу.

«Куда нам плыть» — романс — вызвал едкие остроты, свалившиеся на голову певицы:

— Она не знает, куда ей плыть!

— Заплыла!

«Я тебе ничего не окажу» — романс. — Ну, и не надо...

— Не скажешь, а сам говоришь...

«Однозвучно гремит колокольчик...», «...и на очи, давно уж сухие, набежала, как искра, слеза...».

И это для рабочих клубов! Действительно: слеза.

ОДНА ТРИДЦАТАЯ

4 января. С трех и до семи вечера проходило общезаводское собрание по поводу колдоговора.

Перед собранием говорили:

— Часу не пройдет — кончим. Вопрос подработан по цехам, в завкоме, в ячейке.

Действительно, важнейшие пункты договора были проголосованы и приняты довольно единодушно.

**) Однофамилец В. М Глотова.*

Маленькая заминка вышла на пункте о сокращении рабочих по причине рационализации производства.

— Вы понимаете, товарищи, чем это пахнет? — выступил рабочий Анатолий Глотов*), — известный в заводе демагог — «Обеспечить увольняемых двухмесячной компенсацией по среднему заработку», в случае если уволят не меньше пяти человек. Ну, а если по рационализации уволят одного-двух? Значит, вылетай с двухнедельным пособием, и все тут?

Потом он натянуто поправился:

— Ведь вы что делаете? — обратился он к президиуму, — Подавляете инициативу рабочего изобретателя. Кто же будет изобретать и подводить самого себя под сокращение?

Было совершенно ясно, что главный мотив его «речи» — сокращение и компенсация. Глотову разъяснили, что компенсация выдается независимо от количества уволенных.

Шумом одобрения собрание встретило пункт договора о том, что на заводе организуется кружок по повышению квалификации. Кружок обеспечивается техническим руководством, средствами и приспособлениями.

— А если машина потребуется — дашь?

— Дадим машину! — горячо крикнул докладчик.

— Это хорошо.

Чернорабочие — самая малооплачиваемая на заводе группа — ждали от колдоговора повышения зарплаты. Повышение это было (администрацией и завкомом) признано небходимым. Но... Но для этого нужно произвести какое-то «внутреннее перераспределение средств» (чтобы это увеличение расходов не выглядело абсолютным увеличением). Перераспределение средств «упирается в уточнение расценок» по отдельным цехам. А уточнение расценок «упирается в... отсутствие хронометража, экономиста и норм выработки... Не имея никаких данных о количестве часов, необходимых для изготовления того или иного предмета, ясно, что точно определить сумму, необходимую заплатить за рабсилу, не было возможности».

Заколдованный круг! Чернорабочий, жди уточнения расценок и рационализации производства!**).

...Когда договор стали зачитывать в целом, неожиданно возник жаркий спор по поводу пункта о прозодежде для чернорабочих. Администрация давала только варежки и фартук. Чернорабочие требовали теплую одежду и сапоги, основываясь на том, что приходится работать во дворе.

Выступил снова Анатолий Глотов.

— Вы там не виляйте, — взял он сразу задорный тон, — вы видите — рабочий возмущен! Нужно прямо говорить: дадите или не дадите? Плохо вы наши рабочие интересы защищаете! Нечего тут вертеться вокруг да около. Я — член завкома. Но я спрашиваю завком: куда это годится? Объясните мне!

**) Чернорабочий на заводе «Труд» получает 40 руб., литейщик в среднем зарабатывает 120 руб., токарь (высший заработок) — 230 р.*

***) Член комиссии по обследованию завода «Труд».*

Секретарь ячейки Ложкин сокрушенно покачал головой.

— Товарищи, — встал партиец Васильев, — чернорабочие просят сапоги на основании того, что на дворе валяется стружка, обрубки, проволока, от которой портится обувь. Но разве в обязанности чернорабочих не входит уборка этого мусора?

— Тем более что об уборке у нас с вами есть договоренность, и мы это дело компенсируем, — вставил замдиректора Беляев.

— Возможно ли дать прозодежду, исходя из финансового положения нашего завода? — сказал свердловец Леонов**). — Я должен здесь заявить, что финансовое положение вашего завода очень и очень тяжелое.

После долгих споров администрация пошла на некоторые уступки. Дворовым чернорабочим дали такой же комплект прозодежды, как и цеховым рабочим.

— Зачем же вы равняете токаря и чернорабочего? — раздался вдруг один протестующий голос.

Собрание сильно зашумело:

— А что, чернорабочие — не люди?

— Сколько получает токарь и столько чернорабочий?

— Заткнись ты там! Токарь!

Солидную, успокаивающую нотку вносил в собрание круглолицый человек в мохнатых унтах.

— Кто это? — спросила я Кузнецова (формовщика).

Кузнецов пожал плечами и обратился к соседу.

— Новый наш директор, — шепнул он мне, не спуская глаз с полного человека. — А я и не знал. Обстругают и этого.

— Как обстругают?

— Был у нал старый директор... тоже сначала этакий мужественный, настойчивый, веселый... Первые дни приходил к нам — конфет полный карман. Все угощал. Ну че, мы ели конфеты, подсмеивались. Он все хвалился: «чего мне ваш завод, маленький... Я не на таких работал... 10 тысяч рабочих было...». Чего ему ни предложат, он соглашается: непременно, мол, сделаю, в спешном порядке. Ну и ничего не делал, слова одни. Притих. Покрыли его.

Наконец с колдоговором покончили.

Второй вопрос: посылка второй рабочей бригады в деревню на перевыборы советов.

— Глотов Анатолий, — огласил первую кандидатуру Ложкин и замялся. — Дело в том, товарищи, Глотова один раз уж посылали в деревню, и он отказался ехать. Ему показалось мало суточных — один рубль в сутки. Он требовал суточных в размере одной тридцатой своего среднего заработка. Завком обсуждал этот вопрос и поставил Глотову на вид.

— Кто скажет против Глотова? — спросил председатель.

— Дай-ка справку! — крикнул сам Глотов.

— Товарищи! Кто меня посылал в деревню? Профессиональная ячейка? А где это запротоколировано? Нигде не запротоколировано! Потом, я требовал одну тридцатую заработка по закону, об этом закон говорит. На

вид мне поставили неправильно!

— Дело в том, — ответил Ложкин, — Глотова посылала не профессиональная ячейка, а шефское общество. Остальные товарищи уехали и работают все, кроме Глотова. Он говорит, дай ему одну тридцатую суточных. А по его заработку это выходит четыре с полтиной в день. Мы не в состоянии.

— Мне пришлось работать в Москве по перевыборной кампании, — говорит свердловец Леонов, — я должен сказать, что у нас не зафиксировано ни одного случая, когда рабочий отказался бы ехать в деревню из-за суточных. Я возражаю против посылки Глотова в деревню. Нам, товарищи, сейчас в деревне не нужны «пролетарии» с одной тридцатой. Мы можем попасть в плен к кулакам с такими пролетариями.

— Кто за Глотова? — спросил председатель.

Поднялись две несмелых руки. Одна тотчас спряталась.

— Полторы руки! — крикнул чей-то насмешливый голос.

— Товарищи, мы голосовали за Глотова, — сказал председатель, — так что мало... давай следующего.

Остальные кандидатуры прошли единодушно.

— На производстве десять лет... Пятнадцать... двадцать... Деревню знает хорошо, — вот обычные мотивы к. посылке на перевыборы,

Следующий вопрос (на три минуты) был мой — об издании «Советской Сибирью» Новосибирского производственного листка.

— Выходи на работу! — вдруг махнул рукой Беляев.

Половина собрания поднялась с мест.

— Сиди на местах, товарищи! Собрание не кончено. Важный вопрос! — крикнул Ложкин.

— Ты чего распоряжаешься? — сердито обернулся на Беляева председатель. — Ты ведь не член президиума? Какое имеешь право?

Беляев вспыхнул, поднес к лицу председателя часы, ткнул пальцем в циферблат:

— Вторая смена давно должна выйти на работу. Производство стоит.

— Вот кончим и выйдут.

Беляев присел на кончик скамьи, краска отлила от его лица, он дружески перемигнулся с близко стоящим рабочим и, балуясь, сбил ему шапку на нос. Собрание сдержанно засмеялось.

— Приветствуем! — крякнули мне из зала в ответ на мой «доклад». Поднялся лес рук:

— Скорее печатайте!

**) См. фельетон «Одна тридцатая», «Сов. Сибирь». Январь 1929 г.*

***) В чем пришлось потом горько раскаяться: «машинистки» запомнили подписи под интересующими их заметками, и на следующий день по заводу пошли сплетни.*

ПИЛИ, ТОВАРИЩ БАХАРЕВ?

5 января. Утром говорили с Ложкиным (по телефону) о Глотове:

— Скажи мне, тов. Ложкин, кто такой Глотов?

— Член завкома, председатель производственного совещания. Беспартийный.

— По-моему, он демагог и шкурник.

— Пожалуй, верно. А мы, понимаешь, много сил на него положили: на курсы посылали, профсоюзные... Видишь ли, мы его, как активиста, готовили в партию... А? Теперь, конечно, не придется... Да. Ребята говорили, у него домишко есть свой, железом крытый...

Вопрос о Глотове, пожалуй, надо вынести на страницы «Советской Сибири»*).

...Сегодня состоялся, наконец, первый коллективный выпуск стенгазеты. Пришло десять человек («художники» наши, как оказалось после, все были заняты на заседании и клубной постановке).

Две женщины (жены служащих) были посажены мною на машинку**). Осталось восемь человек, все «редактора». Признаться, я немного струсила: предстояла большая правка материала, а народ все малограмотный, даже Лидера нет.

Сначала все отказывались («уж я лучше стану наклеивать»).

Бахарев долго возился с заметкой, потом подозвал женя и огорченно заявил:

— Чего-то не могу сообразить: все так же выходит.

Оказывается, в суматохе ему дали править его же заметку. Написали ее вторично, вместе с ним. Пишет Бахарев быстро, но фраза у него неуклюжа и множество грамматических ошибок.

Вижу, среди моих «редакторов» большое оживление. Что такое? Из рук в руки переходит мелко исписанный лист. Прочли вслух: фельетон о группе партийцев, проводивших праздники в беспросветном пьянстве и даже в драках.

— Бахарев, Кобозев и компания.

Я взглянула на Бахарева: его тухлое безбровое лицо налилось темным румянцем. Когда кончили читать, Бахарев был бледен.

— Ну, расскажи, тов. Бахарев, — обратилась я к нему.

— Чего же... пришли, конечно, ко мне тесть и теша... как уж водится, гости... если есть чего выпить, почему же не выпить?

— Конечно! — буркнул кто-то из членов редколлегии.

-...А насчет драки не путайте вы меня, я не знаю, не видел и не был.

Долго спорили: помещать или нет. Решили пустить безыменным фельетоном с заголовком «Угадайте, кто так праздновал?»*) Бахарев куда-то незаметно скрылся.

— Может быть, он обиделся? — высказала я предположение.

— Кто его знает!

**) Безусловная ошибка. Надо было бить прямо в лоб, не стесняясь. За безыменный фельетон нас ругали.*

Первые две полосы (четыре колонки) пошли под большой шапкой: «100 проц. явки на перевыборы горсовета. Печатаем предложения рабочих новому составу горсовета». Предложений поместий около двадцати. Бахарев появился час спустя:

— Пускаете? — справился он о фельетоне. — Я не возражаю. Только скандал

будет. Все мы живем в одном коридоре... бабы шум подымут...

— Ведь ты сам не отрицаешь, что пили?

— Пили.

— Ну и чего же?

— Я не возражаю.

Поместили интересную заметку о драмкружке: член драмкружка некто Башарова, обладающая болезненным самолюбием «настоящей» артистки, обиделась на то, что главная роль в «Молодом Ельнике» была дана не ей. Она демонстративно ушла с репетиции, попутно обругав режиссера (режиссер у них работает добровольно и бесплатно, — любитель, по общим отзывам талантливый парень). Этим дело не кончилось. На ближайшем вечере, во время коллективных игр, по рукам играющих пошла анонимная частушка про режиссера. На декорациях был пришпилен второй экземпляр этой частушки — нескладной и глупой. Автором ее была, очевидно, Башарова.

Когда мы уходили, в клубе шла постановка. Завклуб Золотов («золотце» — как его там называют) стоял в контроле, красный от духоты, и, устало опираясь на свою палочку, пререкался с «не имеющими билетов».

— Неужели не пропустишь, — умоляюще говорил молодой парень, — братишка у меня из деревни приехал, хотел его провести...

— Мальчишка? Маленьких не пускаю!

— Какой мальчишка! Старше меня, двоих детей имеет.

— Ну, ступайте!

Золотов на одну минуту отстраняется от двери. За его плечами виден темный зал, до отказу набитый людьми.

«Не имеющие билетов» — а их целая толпа — толкаются в коридоре, сидят на длинном обеденном столе. Здесь же, на полу, заросшем кочками грязи, кто-то откалывает «русскую». Таков «клуб» рабочей окраины: темный, холодный, неуклюжий, как плохая конюшня...

...Завтра собирается впервые наш кружок художников. Ребята пожертвовали для этого своим воскресным отдыхом.

2 000

8 января. Было собрание партийной ячейки без повестки дня. Партиец Нарыжнов выдвинул вопрос о себе:

— Ребята в цеху меня донимают. Прямо извели. А за что? У меня 2000 рублей накоплено? Накоплено, ну и что же? Я им говорю: копите и вы на черный день. Дурни! А если что случится? Не хочу оставаться на бобах. Просто моя предусмотрительность. За что здесь поддюкатъ? Я прошу собрание разобраться в этом вопросе.

Нарыжнов, работая на приисках литейщиком, в течение полутора лет копил заработки. Получилась сумма в две тысячи рублей. Он положил ее в банк (9 проц. ежегодной прибыли), а затем перенес в заем индустриализации (здесь дают 6 проц., но есть надежда на выигрыш).

— Хоть бы жил по-человечески, — говорят про него рабочие, — а то путевой табуретки нет, жрет плохо, ровно нищий. А деньгу копит и копит...

— Партийный Плюшкин! — говорю я изумленно.

— Д-да... — нерешительно цедит Ложкин. Он не знает, кто такой Плюшкин.

— На размышление твои деньги наводят, — сказали Нарыжнову на собрании. — Деньги колебают ум человека. Не дают покоя. Накопил много, ан еще больше хочется...

Какой же ты партиец? Плохой партиец!

— В Заем Индустриализации, говоришь, вложил? Это хорошо. А вот если КК узнает про твои две тысячи, возьмет, да только пятьсот тебе и возвратит? Скажут — не полагается больше члену партии денег иметь...

Нарыжнов смертельно бледнеет. Собрание тихонько смеется:

— Ишь, как его заело!

В вопросе о Нарыжнове трудно разобраться. Данные о нем противоречивы.

Нарыжнов — один из лучших, квалифицированных металлистов. Его выступления на собраниях рабочих заставляют отнести его к числу довольно развитых партийцев. Странная, почти болезненная скупость у него действительно есть. Свои две тысячи он накопил, конечно, не спекуляцией, а прямой экономией «на хлебе». С другой стороны, Нарыжнов не поскупился на свои деньги во время отпуска съездить в Москву для того, чтобы осмотреть крупные металлургические заводы.

На ячейке довольно легкомысленно пугнули Нарыжнова КК, и только. Между тем такой тип рабочего, коммуниста, требует внимательного изучения. Кроме того, ячейке необходимо вопрос о Нарыжнове поставить перед контрольной комиссией.

Дальше говорили о том, что заводу необходим «хоть один инженер».

— Отвалить ему 300-400 рублей, куда ни шло... зато дела пойдут лучше. Запурхаемся мы без инженера.

— Мы ставим вопрос перед окрОМХа, — говорит Ложкин. — У них там в кабинете сидит инженер-металлист. Получает 200 рублей. Мы говорим ему: «иди к нам, дадим 300, и даже 350». А он: «Я на такой маленький завод не пойду работать, я привык на больших». Самолюбивый!

ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ, ВЫ ПОМНИТЕ?

11 января. По инициативе стенгазеты сегодня собралось смотровое совещание цеха. Тотчас после гудка в клуб пришли литейщики, усталые и чумазые до неузнаваемости.

Лидер, оперируя смотровой стенгазетой, сделал маленький доклад: как

идет смотр.

— В стенгазете мало заметок о недостатках цеха. Смотр может быть скомкан. Давайте, товарищи, вносите предложения устно. Мы здесь их зафиксируем и завтра вывесим на щит.

— Когда появилась у нас в цехе смотровая газета, — говорит партиец Васильев, — наши ребята отзывались: «дело хорошее, только едва ли чего выйдет — нашу администрацию не раскачаешь. А писать без толку неохота». И не писали. Надо показать на деле, что газета умеет добиться ответа от администрации, хоть на одно предложение. Тогда литейщики вас завалят материалом.

— Возьмите загнетку «Гвозди, гвозди!». Об этих гвоздях мы уже два года толкуем. Пропадает добро: десятки, сотня пудов. И еще два года будет пропадать. Администрация и ухом не ведет.

Во время литья требуются гвозди в большом количестве. Когда отлитую вещь выбивают из земли, гвозди остаются в земле и идут на отвал.

Мастер Роменский рассказал: однажды он, вопреки распоряжениям администрации, нанял «за трешку» двоих рабочих и просеял землю. Отсеялось около двух десятков пудов гвоздей, проволоки, обрубков (накопившихся после недели литья). Эти остатки были возвращены целиком в производство. «Трешка, окупила себя десятикратно».

— Нанять бы старательного старичка рублей за 30. И себя бы старичок окупил и производству дал бы десятки пудов чугуна...

— Мы теряем здесь не только гвозди и проволоку, — говорит завпроизводством В. М. Глотов, — мы теряем большое количество кокса.

— Виктор Михайлович! — иронически обращается к Глотову рабочий Кобозев, — а вы помните, когда вы были хозяином этого завода, как вы берегли каждый гвоздик? Помните, вы перекупали у одного человека перегоревшие гвозди (по 3 коп. за фунт), подобранные на дворе винзавода? А теперь, когда на ваших глазах на государственном заводе пропадают десятки пудов годных гвоздей — вам все равно? У вас сердце не болит? Вот в чем наша беда, товарищи: мы глядим на производство сквозь пальцы... Пропадает, и пусть пропадает!

Виктор Михайлович — тихий старичок, бывший хозяин завода, а теперь почти единственный специалист завода «Труд» по чугунолитейному делу. На заявление Кобозева он ничего не ответил.

Совещание затянулось до шести часов. Жаловались на слабый свет в цехе, на плохой состав графита, на неправильные модели. Выработали список предложений.

— Требуйте от администрации срока исполнения! — дали наказ редколлегии.

За дверями зала ждала группа женщин: их собрание было назначено в шесть, за женщинами (в семь) следовала репетиция синеблузников. Нас усиленно просили «сматываться».

Пришлось уйти. А жаль: недоверие литейщиков к смотру мы сломили и вызвали их, литейщиков, на откровенные разговоры.

НА ПОЛНЫЙ ХОД!

12 января. Последний день работы на заводе. Второй коллективный выпуск стенгазеты.

Днем ходили в литейный цех. Набрали более тридцати предложений по смотру. Вечером в красном уголке собралась наша «расширенная редколлегия». На этот раз, я думаю, мы сумели вовлечь в работу более двадцати человек.

Красный уголок представлял поразительное зрелище: длинный стол был занят художниками. «Корреспонденты» заняли все, на чем можно было приспособиться писать: табуретки, подоконники, шахматные столики. Разговаривали сниженными голосами, как в комнате, где сосредоточенно работают. Посторонних гнали.

Ложкин ходил на цыпочках, сдвинув шапку на затылок и распахнув свою кожаную тужурку: он улыбался и сиял.

— Вот у нас как работают, — шепнул он на ухо докладчику, явившемуся проводить собрание шефкуста.

Самый юный из художников пробовал нарисовать закаменскую баню, в которой не моются, а пачкаются сажей. Обливаясь потом, мальчуган вывел что-то непонятное, похожее на большой мазок сажи:

— Лидер, а Лидер! — смущенно крикнул он, — чего-то не вышло!

— А ты иди, вон смотри, — строго кивнул Лидер на Ивакина: — Смотри и подучайся.

Мальчуган обошел стол и застыл за плечами у Ивакина.

— Лидер! Пошли репортеров своих в зал! — крикнул, отворяя дверь, Ложкин. — Там интересные прения по шефработе развертываются.

Острые глаза Лидера пробежали по лицам «репортеров». Минуту спустя двое из них с блокнотами и карандашами отправились в зал.

Как в настоящей газете!

Слаженно, четко актив проработал четыре часа, и в клуб был вынесен щит, целиком обновленный.

«Кончаем смотр литейного цеха. Печатаем предложения рабочих. Слово за администрацией» — такой шапкой начиналась новая газета. Под крупным заголовком «Подлежит немедленному исполнению» поместий список предложений вчерашнего цехового совещания.

Мне пришлось уехать раньше, не дождавшись выхода номера. С сожалением натянула я шубу и из груды цветной бумаги извлекла свой портфель.

— До свиданья! — глухо, не отрываясь от дела, буркнули мне в ответ.

— До свиданья, товарищи!

«Двигатель» пущен на полный ход.